

A movie poster featuring actress Victoria Severina in the foreground, looking thoughtfully to the side. She is wearing a dark long-sleeved shirt and a patterned apron, with her hands covered in clay. In the background, a man and a woman are embracing, and a young boy stands between them. The setting appears to be a pottery studio with shelves of finished pots and a glowing kiln. The overall mood is dramatic and emotional.

Виктория
Северина

ИЗМЕНА.

Я СТРОИЛА БИЗНЕС,
ТЫ — ВТОРУЮ СЕМЬЮ

Виктория Северина

Измена: Я Строила Бизнес, Ты - Вторую Семью

<https://litres.ru/74437438>

Аннотация

Я двадцать пять лет думала, что мы с мужем строим общее дело. Пока я ночевала возле печей, искала деньги на зарплаты и спасала семейную мануфактуру от очередного кризиса, Илья действительно кое-что строил. Только не вместе со мной. У него уже три года была другая женщина, загородный дом, мальчик, называющий его папой, и красивая новая жизнь, отделанная керамикой, которую создавала я.

Но измены ему оказалось мало. После развода Илья решил оставить мне старые печи, долги и восемнадцать сотрудников, а себе забрать прибыльный салон, клиентов и имя, под которым годами продавались мои работы. От меня требовалась всего одна подпись — отдать мастерскую отца под его новый заём и продолжить делать коллекции для любовницы. Ведь, по словам мужа, я умею только пачкать руки в глине, а настоящие деньги всегда зарабатывал он.

Я не подписала.

Теперь мне предстоит узнать, способна ли мануфактура выжить без человека, который годами убеждал меня в обратном.

Вернуть собственное имя работам, которые другая женщина уже называет своими. Удержать людей, закрыть долги и не позволить бывшему мужу уничтожить меня, когда его новая красивая жизнь начнёт трещать так же, как дешёвая плитка на стенах чужого дома. А ещё — понять, можно ли снова довериться мужчине, который не обещает меня спасти, не принимает решения за меня и почему-то считает, что моё «нет» действительно означает «нет».

Потому что после предательства я больше не хочу быть удобной женой при чужом успехе. Я хочу выяснить, сколько на самом деле стоит моё имя.

Содержание

Глава 1. Наш дом	5
Глава 2. Жена для убытков	47
Глава 3. Восемнадцать человек	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1. Наш дом

Телефон завибрировал на тумбочке в половине седьмого утра, когда Надежда только успела открыть глаза и ещё не поняла, что именно выдернуло её из сна — этот противный дребезжащий звук или пустая половина кровати рядом. За окном было серо, низкое осеннее небо почти лежало на крышах соседних домов, на стекле собирались мелкие капли дождя, и квартира казалась особенно тихой без привычного утреннего шума воды в ванной, хлопающих дверей шкафа и раздражённого голоса Ильи, который непременно что-нибудь искал перед выходом. Он не ночевал дома. Вчера предупредил, что будет поздняя встреча с заказчиками, потом пришло короткое сообщение около полуночи — «Не жди, заночую ближе к объекту, утром там переговоры», — и Надежда даже не удивилась. Последние два года таких ночей становилось всё больше, а вопросов она задавала всё меньше, потому что на любой вопрос существовал один ответ: работа. Работа задерживала его по вечерам, работа заставляла уезжать в выходные, работа требовала срочных встреч, съёмок, выставок и каких-то бесконечных завтраков с людьми, которых Надежда никогда не видела, но благодаря которым, по уверениям мужа, их мануфактура всё ещё держалась на поверхности.

Она нащупала телефон, не поднимая головы с подушки,

и увидела его имя. Илья звонил второй раз подряд, а значит, случилось что-то такое, что он уже успел счесть её виной. Надежда провела ладонью по лицу, села, подтянув к груди край одеяла, и ответила только после третьей вибрации. На том конце не было ни приветствия, ни вопроса о том, спит ли она ещё; муж заговорил сразу, быстро и недовольно, тем самым деловым голосом, которым обращался к ней при сотрудниках, когда хотел подчеркнуть, что сейчас он не супруг, а человек, вынужденный устранять последствия чужой нерасторопности. — Надь, ты дома? Хорошо. Собирайся и езжай на объект, я тебе сейчас адрес скину, — произнёс он, и она услышала, как чем-то шуршат бумаги рядом с ним. — Там треснуло большое панно в гостиной, сегодня в одиннадцать съёмка, всё должно быть исправлено раньше. Возьми свои мелкие инструменты, краски, которые для реставрации, и набор для швов. Только быстрее, пожалуйста, у нас и без этого хватает проблем.

Надежда опустила босые ноги на холодный пол и поморщилась. Отопление в доме ещё не включили, а погода уже решила, что сентябрь закончился недели две назад, хотя на календаре только начиналась осень. — Какое панно? — спросила она, подтянув со спинки стула халат и накинув его на плечи. — И какой объект, Илья? Я сегодня должна быть в цехе к восьми, у нас второй обжиг гостиничной партии, Галина Петровна одна не останется. Если там обычная трещина по шву, пусть монтажники сначала посмотрят, может, во-

обще дело не в самой керамике. Ты фотографию пришли.

Илья шумно выдохнул, будто именно этого и боялся — что жена начнёт задавать вопросы вместо того, чтобы вскочить и побежать выполнять распоряжение. — Надь, не усложняй с утра, — сказал он уже медленнее, и эта подчеркнутая терпеливость раздражала её гораздо сильнее резкого тона. — Монтажники смотрели. Я тоже смотрел. Там нужна ты, потому что панно твоё. Клиент серьёзный, проект закрытый, фотографии наружу пока не должны уходить, поэтому ничего тебе пересылать не стану. Я адрес кинул. Поезжай, посмотри на месте и сделай, что нужно. На производстве без тебя два часа не развалятся.

Последняя фраза неприятно кольнула, хотя раньше Надежда пропустила бы её мимо ушей. Она уже много лет слышала от мужа две взаимоисключающие вещи: без неё производство развалится немедленно и одновременно её работа настолько проста, что любой грамотный мастер способен справиться самостоятельно. Какая именно из версий считалась правильной, зависело от того, требовалось ли Илье заставить её остаться в цехе до полуночи или, наоборот, отправить на объект вместо запланированного дела. Надежда встала и подошла к окну, отодвигая край шторы. — Ты где сам? — спросила она, глядя на мокрый двор, где дворник лениво сгребал жёлтые листья в кучу, которую дождь тут же размывал обратно по асфальту. — Если клиент настолько серьёзный, может, тебе лучше быть там? Ты всё равно ноче-

вал рядом.

На несколько секунд в трубке стало тихо. Не дорожный шум, не музыка из машины, не голоса людей — просто тишина, и Надежда почему-то обратила на неё внимание, хотя причин не было. Затем Илья ответил, что уже уехал в город и находится почти у офиса, потому что к восьми у него встреча с поставщиком. — Я не могу разорваться на десять частей, — добавил он с привычной усталостью человека, на плечах которого якобы держался весь семейный мир. — Поэтому у нас и существует разделение обязанностей. Я решаю вопросы с людьми, ты решаешь вопросы с производством. Сделай, пожалуйста, хотя бы это без длинного обсуждения.

Он отключился первым, оставив после себя короткие гудки и то неприятное ощущение, которое в последнее время стало почти постоянным: будто она опять чего-то не успела, не предусмотрела, не поняла вовремя. Надежда ещё несколько мгновений держала телефон возле уха, затем опустила руку и увидела пришедшее сообщение с адресом. Посёлок находился в сорока минутах езды от города, если не попасть в утренние пробки, и название его показалось знакомым — «Сосновая Роща». Там снимали несколько рекламных роликов Миланы Ветлицкой, молодой хозяйки интерьерного салона «Linea», которая последние три года довольно активно сотрудничала с «Домом Арсеньевых». Надежда сама пару раз видела в её публикациях высокие сосны, белые фасады и широкие террасы, но никогда не интересовалась, кому

принадлежали дома. Работа Миланы заключалась как раз в том, чтобы появляться в чужих красивых пространствах и говорить так, будто каждая чашка, подушка и дверная ручка были выбраны ею лично.

Она быстро умылась, собрала волосы в низкий узел и открыла шкаф, на мгновение задержавшись перед рядом одежды. Когда-то Илья любил, чтобы она сопровождала его на презентациях, и тогда здесь висели платья, костюмы и несколько пар дорогой обуви, купленной специально для вечеров, во время которых Надежда чувствовала себя лишней возле собственного труда. Последние годы она появлялась на таких мероприятиях всё реже. Милана прекрасно смотрелась перед камерой, знала имена фотографов, умела смеяться в нужный момент и никогда не приходила на съёмку с красной полосой от защитной маски на лице или маленькими ожогами на руках. Илья однажды сказал жене, что в этом нет ничего обидного: кто-то создаёт, кто-то продаёт, а кому-то природа дала лицо для рекламы. Тогда Надежда даже согласилась. В конце концов, какая ей разница, кто стоит рядом с камином, если этот камин сделала она?

Теперь она выбрала тёмные брюки, тёплый свитер и старую куртку, которую не жалко было испачкать. На кухне поставила чайник, но почти сразу выключила: времени действительно не оставалось. Взяла из холодильника половину вчерашнего бутерброда, съела стоя, не чувствуя вкуса, и набрала Галину Петровну. Мастерница ответила сонным, но

привычно собранным голосом, выслушала объяснение и пообещала начать без неё. — Только ты не торопись так, словно у них там пожар, — проворчала женщина, когда Надежда уже собиралась отключиться. — Последний раз тоже орали, что мир рухнет до обеда, а потом мы три недели ждали, пока они определятся с цветом затирки. Ты Илью знаешь: если клиент закашлялся, он уже вызывает врача, священника и тебя.

Надежда невольно улыбнулась, натягивая ботинки. — Тут съёмка, поэтому он нервничает, — объяснила она, хотя Галина Петровна об этом не спрашивала. — Я съезжу, посмотрю и вернусь. Если печь начнёт капризничать, не ждите меня, делайте как обсуждали вчера. И Михаилу скажи, чтобы не лез снова сам регулировать заслонку, он после прошлого раза неделю всем рассказывал, что так и было задумано.

Разговор с мастерицей немного успокоил, потому что возвращал мир в понятные границы. Печь, заказ, оттенок, люди, которые могут ошибиться, но не делают из ошибки трагедию вселенского масштаба. Надежда взяла из кладовой небольшой металлический чемоданчик с инструментами, проверила коробку с красками и вышла из квартиры. Уже в лифте телефон снова завибрировал: Илья прислал номер дома и короткое «Позвони Милане, когда подъедешь». Надежда перечитала сообщение дважды, хотя смысл был предельно прост. Значит, объект действительно связан с её салоном. Ничего странного в этом не было — за последние два года Мила-

на привела им столько заказчиков, что иногда складывалось ощущение, будто половина дорогих домов в области украшена их керамикой именно благодаря её фотографиям.

На подземной парковке пахло сыростью и бензином. Надежда положила инструменты в багажник старой тёмно-синей машины, которую Илья давно предлагал заменить, но всякий раз находилось что-нибудь важнее: ремонт печи, зарплата, новая вентиляция, потом долги за сырьё. В прошлом месяце муж опять сказал, что сейчас не время тратить деньги на железо, которое ещё ездит, и она согласилась. Сама всегда соглашалась с такими решениями, особенно после того, как в бухгалтерских таблицах появились красные цифры, а каждый разговор о деньгах стал похож на попытку вычерпать ложкой воду из пробитой лодки.

Дорога за город заняла почти час. Дождь усилился, дворники монотонно размазывали воду по стеклу, радио то и дело перебивала реклама, и Надежда несколько раз ловила себя на желании позвонить Илье ещё раз, уточнить, что именно случилось с панно. Она удержалась. Муж раздражался, когда ему повторяли вопросы, на которые он уже якобы ответил, и в последние месяцы Надежда слишком часто заранее представляла его реакцию, прежде чем что-то сказать. Эта привычка появилась незаметно, как появляются мелкие трещины на неправильно высушенной глине: сначала тонкая линия, которую почти не видно, потом ещё одна, а однажды берёшь изделие в руки и понимаешь, что оно держалось только

потому, что его никто не касался.

Навигатор вывел её к шламбауму охраняемого посёлка. В будке сидел молодой охранник, который посмотрел номер машины, сверился с планшетом и без вопросов поднял проезд. Значит, её действительно ждали. Дорога внутри посёлка петляла между мокрыми соснами, за высокими заборами виднелись большие светлые дома с широкими окнами, и Надежда вдруг вспомнила фотографии Миланы, сделанные прошлой зимой. Та стояла на фоне заснеженной террасы в белом пальто, рядом с ней был Илья, державший в руках бокал шампанского. Под снимком Милана благодарила «любимую команду» за очередной законченный проект, а Илья оставил комментарий с коротким сердцем. Надежда тогда увидела его случайно, когда Аня показывала статистику страницы, и почему-то почувствовала себя глупо. В сорок семь лет ревновать мужа к женщине, которая младше тебя почти на двадцать лет и половину своей жизни проводит перед камерой, казалось чем-то унижительным. Тем более Илья всегда смеялся над подобными подозрениями и говорил, что если бы он хотел спать с каждой красивой заказчицей, им пришлось бы закрыть производство и открыть бордель.

Она тогда тоже засмеялась.

Навигатор сообщил о прибытии. Дом находился в конце небольшой тупиковой улицы, за невысоким каменным забором. Ворота были открыты, будто хозяйка уже видела машину на камерах и не хотела заставлять гостей ждать под

дождём. Надежда припарковалась возле аккуратно подстриженных кустов, достала чемоданчик и впервые почувствовала лёгкое раздражение не на Илью, а на неизвестного хозяина. Дом выглядел слишком готовым для человека, у которого за несколько часов до съёмки якобы случилась серьёзная проблема. В больших окнах горел тёплый свет, на террасе стояла сухая мебель под навесом, возле ступеней лежал новый коврик, а из трубы поднимался тонкий дым. Даже дождь не мог испортить эту картинку — наоборот, мокрый камень и чёрные стволы сосен делали белый фасад ещё красивее.

Дверь открылась прежде, чем Надежда успела нажать звонок. На пороге стояла женщина лет сорока в простой серой форме, видимо, домработница, и посмотрела на чемоданчик так, будто сразу поняла, кто приехал. — Проходите, пожалуйста, вас ждут, — сказала она, отступая в сторону и забирая у Надежды мокрый зонт. — Панно в гостиной, прямо по коридору. Обувь можете не снимать, там всё застелили после вчерашней работы.

Надежда поблагодарила и переступила порог. Сначала она заметила пол.

Привычка мастера всегда была быстрее мысли. Пока глаза другого человека увидели бы серо-зелёную плитку, уложенную широкими квадратами от прихожей до гостиной, Надежда уже различила едва заметный медный подтон, нерегулярный край и маленькие тёмные точки, появившиеся после первого экспериментального обжига. Эта партия стояла

у них в дальнем складе почти месяц. Она получилась красивой, даже слишком красивой для списания, но Илья тогда сказал, что заказчик отказался от цвета, а хранить несколько десятков квадратных метров бессмысленно. Часть плитки якобы разбили на образцы, остальное должны были отдать за бесценок одному знакомому отделочнику. Надежда помнила этот разговор потому, что сама просила не списывать партию: оттенок получился редким, глубоким, похожим на мокрые листья шалфея после дождя.

Она опустила взгляд и провела носком ботинка по одной плитке. В левом углу виднелась маленькая светлая точка, почти незаметная под матовой глазурью. Надежда знала её. На пробной доске эта точка была единственным местом, куда попала крупинка другого состава, и при обжиге она дала светлое пятно. Потом таких отметин оказалось несколько. Это была их плитка, без всяких сомнений.

— Красиво получилось, правда? — раздался голос домработницы, уже уходившей к лестнице. — Хозяйка сама всё выбирала, долго мучилась с оттенком. Говорила, такого ни у кого не будет.

Надежда подняла голову. — Не будет, — согласилась она после короткой паузы. — Это опытная партия. Мы её больше не повторяли.

Женщина ничего не заметила в её тоне и ушла. Надежда осталась одна в просторном холле, чувствуя, как внутри медленно поднимается странное беспокойство, ещё не похожее

на страх. Ничего невозможного не произошло. Милана работала с их салоном, могла купить списанную плитку, могла получить её в качестве оплаты, рекламы, подарка. Илья распоряжался демонстрационными материалами сам. Наверняка именно так всё и было. Надежда даже мысленно отругала себя за то, что впервые за долгие годы начинает рассматривать обычные деловые решения мужа как нечто требующее объяснений.

Она прошла дальше и остановилась у входа в гостиную.

Камин находился напротив огромного окна, за которым мокрые сосны раскачивались под ветром. Он был облицован светлыми изразцами с тёмно-синим рисунком — тонкими ветвями и маленькими птицами, сидящими среди листьев. Надежда сразу узнала коллекцию, хотя не видела её целиком почти три года. Она рисовала этих птиц к двадцатилетию мастерской, хотела сделать небольшую юбилейную серию и даже придумала название — «Возвращение». Илья тогда похвалил первые эскизы, а потом решил, что ручная работа получается слишком дорогой и покупателей на неё не найдётся. Несколько готовых комплектов стояли в складе, пока он не сообщил, что их забрали для рекламных съёмок и один комплект случайно повредили при перевозке.

Теперь этот повреждённый комплект стоял перед ней в идеальном состоянии.

Надежда подошла ближе и коснулась пальцами холодной поверхности. В нижнем левом углу одной плитки оставалась

маленькая неровность, которую она сама пыталась сгладить ещё по сырой поверхности. Палец помнил её лучше головы. Там, в мастерской, было душно от летней жары, отец тогда уже несколько лет как умер, а Илья сидел возле открытого окна, ругался с кем-то по телефону и между двумя звонками сказал, что птицы выглядят чересчур старомодно. Надежда всю ночь переделывала центральную композицию, а утром муж признал, что стало лучше. Тогда такие слова казались ей похвалой.

Она убрала руку.

На другой стене висело небольшое декоративное панно из белых и золотистых плиток. Потом ещё одно возле столовой. На кухонном острове лежали синие вставки из экспериментальной серии, которую Надежда лично упаковывала для какого-то архитектурного бюро. В нише возле лестницы стояла керамическая ваза — не просто похожая, а та самая, которую она считала потерянной после выставки в Петербурге. У вазы с обратной стороны была тонкая линия, появившаяся после неудачного охлаждения, и Надежда, почти не думая, повернула её. Линия была на месте.

Она поставила вазу обратно слишком осторожно, словно боялась разбудить дом.

Теперь беспокойство получило форму.

Надежда огляделась, и интерьер вдруг перестал быть красивой чужой картинкой. Куда бы она ни посмотрела, на неё смотрели собственные руки. Они были в камине, в полу, в

декоративных вставках, в вазах, даже в маленьких керамических ручках на шкафчике возле столовой. Последние годы она ссорилась с Галиной Петровной из-за перерасхода материала, просила Михаила экономить газ, сама уменьшала себе выплаты и дважды переносила отпуск, потому что в бюджете не хватало денег. В прошлом декабре они три дня работали в холодном цехе, пока ремонтировали отопление, а Илья объяснял, что на новый котёл средств нет и придётся потерпеть до февраля. Всё это время где-то существовал дом, в котором лучшие вещи их мануфактуры лежали под ногами, украшали стены и создавали уют для людей, которых Надежда не знала.

— Надежда Викторовна? — позвала домработница сверху. — Вам показать, где трещина?

— Я найду, — ответила Надежда, и собственный голос показался ей слишком спокойным. Она поставила чемоданчик на пол, расстегнула металлические замки и только потом поняла, что руки дрожат. Не сильно, едва заметно, но тонкие кисти внутри коробки звякнули друг о друга.

Большое панно находилось справа от камина. Двадцать четыре плитки складывались в изображение яблоневых ветвей на тёмно-зелёном фоне, среди которых прятались две маленькие птицы. Надежда помнила этот рисунок лучше остальных, потому что работала над ним прошлой весной почти месяц. Илья говорил, что панно заказала семья из Москвы для нового загородного дома, но затем сообщил, что

люди передумали и заплатили только за материалы. Работа осталась в салоне Миланы как демонстрационный образец. Надежда тогда расстроилась не из-за денег. Ей нравилась эта вещь, особенно одна ветка в правом верхнем углу, где она несколько раз меняла изгиб, пока композиция наконец не стала живой.

Теперь ветка была перед ней. Через три плитки проходила тонкая трещина, начинавшаяся возле крепления и уходившая вниз. Причина была видна сразу: панно закрепили слишком жёстко, стена немного сыграла, и давление пошло по керамике. Ничего катастрофического. Можно было аккуратно снять повреждённые элементы и заменить, если сохранились запасные, или отреставрировать поверхность так, что на съёмке никто ничего не заметит. Именно за этим её сюда и отправили.

Надежда опустилась на колени перед чемоданчиком, открыла отделение с инструментами и вдруг увидела возле камина маленькую прямоугольную табличку, стоявшую на низкой полке между фотографиями. Сначала она обратила внимание именно на форму. Такие таблички мастерская иногда делала на заказ — номера домов, семейные девизы, имена детей. Белая глина, тёплая молочная глазурь и тонкая синяя роспись по краю. Надежда знала руку мастера. Это расписывала Оля, которая ушла весной в декрет и перед уходом переживала, что не успела закончить какой-то срочный заказ для Ильи.

Надежда поднялась.

На табличке было написано всего пять слов.

«Илья, Милана и Артём. Наш дом».

Она прочитала надпись один раз, потом второй. В первый раз мозг словно отказался связывать отдельные буквы между собой. Илья был распространённым именем. Милана — тоже. Артёмов вообще половина школ. Совпадение выглядело невероятным, но в первые несколько секунд Надежда именно за него ухватилась, потому что любому человеку проще поверить в невероятное совпадение, чем за одну секунду переписать двадцать пять лет собственной жизни.

Рядом стояли фотографии.

На первой Милана сидела на ступенях этой самой террасы в светлом платье, а возле неё стоял мальчик лет восьми с растрёпанными русыми волосами. На второй мальчик уже находился между Миланой и Ильёй. Муж держал его за плечи, прижимая к себе, и смеялся прямо в камеру. Надежда знала этот смех. Илья редко улыбался так на деловых фотографиях — там у него была другая улыбка, ровная и уверенная, с чуть приподнятым уголком губ. Здесь он смеялся по-настоящему.

Третья фотография была сделана зимой. Илья и Милана стояли возле ёлки, а Артём держал подарок. На Илье был бордовый свитер, который Надежда купила ему прошлой осенью, потому что он жаловался, что старый растянулся. Она сама выбирала размер. Сама снимала с плеча случайную

нитку перед тем, как он впервые надел свитер на деловой ужин.

Надежда не заметила, что взяла фотографию в руки.

— А вы папину кружку не видели? — раздался сверху детский голос.

Она резко повернулась.

По лестнице сбегал мальчик с фотографии. На нём была школьная рубашка, пока ещё не заправленная в брюки, один носок он натягивал прямо на ходу, держась за перила другой рукой. Он заметил Надежду, остановился на последних ступенях и посмотрел на неё с обычным любопытством ребёнка, увидевшего утром незнакомого взрослого в собственном доме. — Здравствуйте, — сказал он после короткого раздумья. — Вы панно чинить приехали?

Надежда не смогла ответить сразу. Она смотрела на его лицо, на волосы, на тонкую шею над воротом рубашки и почему-то пыталась найти в нём Илью. Ничего похожего не было. Конечно, ничего и не должно было быть, но разум в такие минуты занимался удивительно бесполезной работой, словно привычный порядок мира можно восстановить, если обнаружить правильную форму носа или разрез глаз.

— Да, — наконец произнесла она и положила фотографию обратно. — Панно.

Мальчик кивнул, довольный объяснением, и спрыгнул с последней ступени. — Оно вчера треснуло, мама сильно расстроилась, — сообщил он, проходя к кухне. — Папа Илья

сказал, что утром придёт тётя, которая всё умеет чинить. Он скоро приедет? Вы знаете?

Внутри Надежды что-то провалилось.

Не разбилось, не лопнуло, не оборвалось. Именно провалилось, как проваливается плохо закреплённая полка вместе со всем, что годами стояло на ней и казалось устойчивым.

— Папа Илья? — переспросила она, хотя прекрасно услышала.

Мальчик уже открыл холодильник и теперь рассматривал содержимое, задумавшись, что можно взять без разрешения. — Ну да, — ответил он с лёгким удивлением. — Он вчера обещал меня отвезти, если не уедет рано. Только он опять уехал. Мама сказала, работа.

Работа.

Надежда закрыла глаза на одно короткое мгновение. Три года поздних встреч. Три года съёмок. Три года поездок с Миланой. Три года, в течение которых она сама говорила мужу, что он должен ездить, встречаться, искать покупателей, потому что без новых заказов фабрика не выживет. Она вспоминала зимние вечера, когда разогревала ужин и ставила его обратно в холодильник. Вспоминала сообщения «не жди». Вспоминала воскресенье, когда Илья уехал на съёмку утром и вернулся после полуночи, привезя ей коробку дорогих конфет, которые Надежда потом отнесла в цех, потому что сама сладкое почти не ела.

Со второго этажа слышались шаги.

Милана спускалась медленно, и в отличие от ребёнка она прекрасно знала, кого увидит внизу. На ней были мягкие светлые брюки и тонкий домашний кардиган, волосы собраны небрежно, без привычной укладки, а лицо почти без косметики оказалось моложе и одновременно обычнее, чем в рекламных роликах. Надежда много раз встречалась с ней на выставках и презентациях. Они даже сидели за одним столом. Милана называла её Надей, спрашивала, как добиться нужного оттенка глазури, однажды прислала цветы на день рождения мастерской и подписала открытку: «С восхищением вашим талантом».

Теперь она остановилась на середине лестницы.

Первые секунды женщины просто смотрели друг на друга. У Миланы с лица исчезло выражение заранее подготовленной вежливости. Она перевела взгляд с Надежды на фотографию возле камина, потом на Артёма, который всё ещё стоял возле холодильника, и пальцы её сжались на перилах.

— Артём, — сказала она слишком быстро, — ты ещё не одет. Иди наверх, пожалуйста.

Мальчик удивлённо поднял голову. — Я одет почти, — возразил он и показал на рубашку, словно это было достаточным доказательством. — Я только поесть хотел. Папа Илья скоро будет?

Милана побледнела.

Надежда заметила это и внезапно поняла больше, чем могла бы понять из любой длинной речи. Милана знала. Зна-

ла, что жена приедет. Знала, что Надежда увидит дом. Но, судя по выражению её лица сейчас, не ожидала именно такой реакции. Она ожидала чего-то другого — скандала, обвинений, возможно, заранее известного разговора. Только не потрясения женщины, которая впервые услышала от ребёнка слово «папа».

— Артём, наверх, — повторила Милана уже жёстче и подошла к сыну. Она закрыла холодильник, положила ладонь ему на плечо и развернула к лестнице. — Я сама принесу тебе завтрак. И пожалуйста, собери рюкзак, водитель скоро приедет.

— Но папа обещал сам, — недовольно пробормотал мальчик, всё-таки направляясь к лестнице. Проходя мимо Надежды, он остановился на секунду и вежливо добавил: — До свидания. Панно красивое, только маме не говорите, что я вчера мячом рядом играл, она думает, это не из-за меня.

Надежда ничего не ответила. Она следила за ним, пока маленькие ступни не исчезли наверху, и только затем посмотрела на Милану.

— Сколько? — спросила она.

Милана сжала губы. — Надежда, давайте сначала спокойно поговорим, — начала она, спускаясь до конца. Голос был тихим, почти примирительным, и Надежде вдруг стало особенно противно от этой интонации. — Я не хотела, чтобы всё получилось именно так. Илья сказал, что вы давно обо всём знаете и что сегодня вы просто приедете посмотреть панно.

Мне правда казалось, что между вами уже всё решено.

— Сколько? — повторила Надежда, не повысив голоса. Она стояла возле камина, а между ними лежал открытый чемоданчик с инструментами, будто две женщины встретились здесь исключительно ради починки треснувшей плитки. — Я спросила не о том, что тебе казалось. Сколько лет ты спишь с моим мужем?

Милана оглянулась на лестницу. — Не здесь, пожалуйста, — прошептала она. — Артём может услышать.

Надежда тоже посмотрела вверх. Ещё час назад этого ребёнка не существовало в её жизни. Теперь вся огромная ложь мужа почему-то получила его голос, школьную рубашку, один не натянутый носок и уверенное «папа Илья». На ребёнка она злиться не могла. Это было бы всё равно что злиться на дождь за то, что в определённый день он идёт над неправильным домом.

— Тогда отвечай тихо, — сказала Надежда. — Сколько?

— Почти три года, — наконец произнесла Милана.

Три года.

Надежда посмотрела на яблоневую ветку в панно. Именно три года назад она рисовала первую юбилейную серию после особенно тяжёлой зимы. Илья тогда вдруг стал чаще говорить, что им нужно меняться, иначе они останутся никому не нужной семейной мастерской для пожилых заказчиков. Потом появилась Милана — молодая, красивая, с тысячами подписчиков и собственной студией. Надежда сама ра-

довалась первому ролику, после которого за неделю пришло столько запросов, сколько обычно не приходило за месяц. Сама накрывала дома стол и открывала бутылку вина, когда Илья сказал, что они наконец нашли человека, способного вывести бренд на новый уровень.

— Почти три года, — повторила Надежда, будто проверяя слова на вес. — А дом?

Милана отвела взгляд. — Надя, я понимаю, как это выглядит.

— Не называй меня Надей.

Любовница замолчала. Её лицо дрогнуло, и на мгновение в нём появилось что-то похожее на обиду, настолько неуместную, что Надежда едва не рассмеялась. Вот только смеяться не хотелось. Она подняла руку и указала на пол. — Это моя плитка. Илья сказал, что её списали, потому что партия никому не нужна. Камин мой. Ваза моя. Панно моё. Половину этого дома делали люди, которым он задерживал деньги. Так что давай ещё раз. Дом когда появился?

— Мы въехали прошлой весной, — ответила Милана, уже не пытаясь улыбаться. — Но дом не ваш, если вы об этом. Илья не забирал его у вас.

— Какая удача.

— Я не это имела в виду, — Милана вскинула подбородок, и в голос впервые вернулась та уверенность, которую Надежда знала по публичным выступлениям. — Я понимаю, что вы сейчас в шоке, но вы не знаете всей ситуации. Между

вами с Ильёй давно ничего не было. Он говорил, что вы живёте как партнёры по работе, что даже спите в разных комнатах большую часть времени и что развод откладывается из-за предприятия. Я не врывалась в счастливую семью.

Надежда смотрела на неё и вдруг вспомнила вчерашний вечер. Они с Ильёй ужинали вместе на кухне. Он пришёл поздно, пожаловался на головную боль, съел половину тарелки и попросил найти его серую рубашку, потому что утром у него важная встреча. Надежда нашла рубашку, погладила воротник, положила на кресло. Потом они действительно легли спать в разное время: она раньше, он остался работать в гостинной. Отдельные комнаты существовали только в рассказе мужа, но, наверное, любая ложь звучит убедительно, если перемешать её с достаточным количеством правды.

— Мы вчера ели вместе, — произнесла Надежда. — В нашей квартире. За нашим столом. Потом я гладила ему рубашку, а он сказал, что поедет на объект и может не вернуться ночью. Теперь я знаю, на какой именно объект.

Милана побледнела ещё сильнее. — Он сказал, что дома почти не бывает.

— Здесь, вижу, бывает.

— Надежда...

— Не надо.

Они снова замолчали. Дождь за стеклом усилился, тяжёлые капли барабанили по крыше террасы. В доме работа-

ла кофемашина, где-то наверху скрипнула дверь, и вся эта бытовая нормальность казалась издевательством. Надежда вдруг подумала, сколько раз Илья пил здесь утром кофе. Где он оставлял часы перед душем. Есть ли у него здесь зубная щётка. Висят ли в шкафу рубашки, которые она покупала, уверенная, что они исчезают в химчистке или лежат в офисе.

Милана первой нарушила тишину. — Я не хотела, чтобы вы узнали вот так, — сказала она и неловко провела ладонью по волосам. — Илья уверял, что вы уже обсуждали развод. Что остались только вопросы с фабрикой и что вы всё понимаете, просто тяжело отпускаете.

— Отпускаю? — Надежда наконец посмотрела ей прямо в глаза. — Кого именно я должна была отпустить? Мужа, который вчера попросил меня купить ему таблетки от желудка? Или мужчину, которому я три недели назад выбирала подарок на день рождения? Может быть, надо было отпустить человека, который в прошлое воскресенье возмущался, что я слишком долго разговаривала с Галиной Петровной и мы опять не провели вечер вдвоём?

Милана открыла рот, но ничего не сказала.

— Вот и я не знаю, — продолжила Надежда, чувствуя, как возвращается голос. — Потому что, судя по всему, я жила в другом браке. Ты — в одном, он — сразу в двух, а я вообще не понимала, что участвую в каком-то распределении ролей.

Снаружи хлопнула дверца автомобиля.

Милана резко повернула голову к окну.

Надежда тоже услышала звук. Потом быстрые шаги по мокрой дорожке и знакомый кашель у двери — Илья всегда кашлял один раз, входя с холода в тепло. В первые секунды она даже не осознала очевидного. Муж, который двадцать минут назад говорил, что находится почти в городе, теперь открывал дверь загородного дома, расположенного почти в часе езды от его предполагаемого местонахождения.

Он вошёл без звонка.

Ключи.

Надежда посмотрела на его руку. Илья привычно положил связку на маленькую полку в прихожей, даже не глядя, словно делал это сотни раз. На нём была та самая серая рубашка, которую она гладила вчера, поверх неё тёмное пальто, волосы намокли под дождём. Он увидел Надежду, затем Милану и на короткое мгновение остановился. Не от неожиданности. Скорее оценивал, сколько уже произошло без него.

— Артём наверху? — первым делом спросил он у Миланы.

Надежда почувствовала, как внутри поднимается что-то очень холодное.

— Собирается, — ответила Милана. — Илья, она ничего не знала.

Муж закрыл глаза на секунду и раздражённо выдохнул. — Мил, не сейчас, пожалуйста.

«Мил».

Надежда никогда не слышала, чтобы он называл её так.

При ней всегда была Милана, Милана Сергеевна, иногда Ветлицкая, если разговор происходил после особенно сложной встречи. Одного короткого имени оказалось достаточно, чтобы окончательно уничтожить последнюю возможность объяснить увиденное каким-нибудь безумным недоразумением.

— Ты находишься почти у офиса, — сказала Надежда.

Илья медленно снял пальто и повесил его в шкаф. Там уже висела мужская куртка. Надежда узнала её сразу — прошлогодняя, синяя, с кожаной вставкой на воротнике. Илья несколько месяцев назад сказал, что оставил её где-то на съёмке и, наверное, уже не найдёт. — Я вернулся, — ответил он, закрывая шкаф. — Милана позвонила и сказала, что возникла проблема.

— Быстро вернулся.

— Надь, пожалуйста, не начинай с этого.

Он произнёс это настолько привычно, что Надежде на секунду показалось, будто они дома и спорят о немытой чашке. Она посмотрела на мужа. Двадцать пять лет она знала это лицо. Знала маленький шрам у виска, полученный ещё до их знакомства, знала, как у него белеет кожа вокруг губ, когда повышается давление, знала, что перед неприятным разговором он всегда чуть подтягивает левый рукав, хотя манжета никуда не сползает. Сейчас Илья сделал именно это.

— С чего мне начать? — спросила она.

Он посмотрел на Милану. — Ты можешь проверить Ар-

тёма? — попросил Илья мягко. — Нам с Надей лучше поговорить вдвоём.

Милана не двинулась. — Нет, — ответила она неожиданно. — Ты сказал мне, что она знает.

Илья нахмурился. — Я сказал, что всё между нами давно понятно.

— Нет. Ты сказал, что она знает о нас.

— Милана, сейчас не время выяснять формулировки.

Надежда переводила взгляд с одного на другую. И вдруг поняла, что любовница тоже впервые увидела часть мужа, которую законная жена знала слишком хорошо. Илья всегда менял сказанное задним числом. Он не лгал напрямую, если можно было сообщить половину правды, дать собеседнику самостоятельно додумать остальное, а потом обвинить его в неправильном понимании. Надежда раньше даже восхищалась этой способностью во время переговоров. Теперь она впервые находилась по другую сторону.

— Почти три года, — сказала она. — Это правда?

Илья повернулся к ней. На лице не было вины. Только усталость, раздражение и ещё что-то похожее на готовность выдержать неприятную процедуру до конца. — Да, — ответил он. — Почти три.

Надежда ждала продолжения. Объяснения. Хотя бы нелепого «прости». Но муж молчал.

— И всё? — спросила она.

— А что ты хочешь услышать?

Вот теперь ударило по-настоящему.

Надежда отвернулась и посмотрела на камин. Птицы на изразцах сидели среди синих ветвей, совершенно равнодушные к тому, кто купил дом, кто здесь спал и кому принадлежала женщина, их нарисовавшая. Илья подошёл ближе, но остановился в нескольких шагах.

— Я собирался поговорить с тобой сегодня вечером, — сказал он. — Спокойно, дома. Без Артёма, без Миланы, без этого цирка. Всё давно пришло к тому, к чему пришло, Надь. Мы оба это понимаем.

— Я ничего не понимаю.

— Тогда пора понять.

Милана резко посмотрела на него. Даже она не ожидала такой фразы.

Илья потёр переносицу и заговорил более мягко, словно исправлял не содержание, а неудачно выбранный тон. — Я не хотел сказать это так. Просто мы действительно уже давно живём не как муж и жена. Ты в фабрике двадцать четыре часа в сутки. Даже когда находишься дома, говоришь о печах, заказах, людях, каких-то проблемах. Мы годами никуда не ездили вдвоём. Ты сама отказывалась от поездок, потому что то у тебя обжиг, то партия, то Галина заболела, то кто-нибудь ещё не может выйти. Я устал жить продолжением производственной смены.

Надежда медленно повернулась к нему. — Мы никуда не ездили, потому что последние три года у нас не было денег.

Илья усмехнулся, но без веселья. — Деньги находят, если действительно хотят жить.

Она посмотрела вокруг.

На пол.

На камин.

На панно.

На огромные окна, дорогую мебель и широкую лестницу, по которой несколько минут назад сбегал мальчик, называвший её мужа папой.

— Вижу, — сказала Надежда. — Ты нашёл.

Муж стиснул челюсть. — Не надо всё сводить к деньгам.

— К чему мне это свести? К любви?

— Хотя бы к тому, что здесь люди.

Надежда даже не сразу поняла.

Илья указал глазами вверх. — Там ребёнок. Артём ни в чём не виноват. Милана тоже не обязана стоять и выслушивать оскорбления только потому, что тебе сейчас больно. Мы взрослые люди и можем решить всё нормально.

— Милана спит с моим мужем три года, живёт с ним в доме, заставленном вещами из моей мастерской, и я должна поберечь её чувства?

— Я никого не заставлял.

— Конечно. Ты вообще ничего не делал.

Милана отступила к кухне, обняв себя руками. Вид у неё теперь был не победный и не высокомерный. Она словно хотела исчезнуть из комнаты, но не могла уйти, потому что дом

принадлежал ей гораздо больше, чем Надежде.

— Это не нужно обсуждать при ней, — сказал Илья.

— Ты сам привёз меня сюда.

Он на секунду замолчал.

Надежда заметила.

— Это ты сделал? — спросила она уже совсем другим голосом. — Ты знал, куда меня отправляешь?

Илья снова подтянул манжету.

— Панно действительно треснуло.

— Я спросила не про панно.

— Надя...

— Ты знал?

Милана закрыла глаза.

Ответ пришёл раньше слов.

— Мы всё равно должны были поговорить, — сказал Илья. — Я хотел сделать это иначе, но, может быть, так даже честнее. Ты увидела ситуацию сама. Без бесконечного недоверия, проверок, вопросов.

Надежда смотрела на него несколько секунд, пока смысл не сложился полностью. Он хотел, чтобы она приехала. Не просто не боялся разоблачения — устроил его. Выбрал дом, где находился ребёнок, где стояли фотографии, где на полке лежала табличка. И всё это после трёх лет лжи.

— Поэтому ты сказал ей, что я знаю? — спросила Надежда.

Илья раздражённо повернулся к Милане. — Я говорил не

так.

— Ты говорил именно так, — перебила Милана. — Ты сказал, что Надежда давно понимает, что между вами всё закончено, и знает, что ты живёшь здесь.

— Я здесь не живу постоянно.

Надежда перевела взгляд на шкаф с его курткой. Потом на ключи, которые он бросил возле двери.

Илья заметил.

— Не надо устраивать дешёвый спектакль из каждой детали, — сказал он. — Да, у меня есть ключи. Да, здесь лежат мои вещи. Да, я провожу здесь время. Именно поэтому я и хотел закончить этот идиотизм. Я больше не собираюсь жить между двумя домами.

— Какое облегчение.

— Надя, хватит.

— Что хватит? Три года хватит или ещё можно немного?

Муж вспыхнул. На мгновение перед ней появился прежний Илья — не терпеливый переговорщик, а мужчина, который ненавидел, когда его загоняли в угол. — Ты тоже не святая, — произнёс он, понизив голос. — Давай хотя бы сейчас без этого удобного образа обманутой жены, которая двадцать пять лет только любила и ждала. Когда ты в последний раз сама спросила, чего хочу я? Когда ты вообще смотрела на меня не как на человека, который должен привести очередного клиента и решить очередную проблему?

Надежда почувствовала, как ногти впились в ладонь.

— Я смотрела на тебя вчера, — ответила она. — Когда спрашивала, болит ли у тебя ещё желудок. Позавчера, когда ты жаловался, что плохо спишь. Неделию назад, когда мы выбирали подарок твоей матери. Ты хочешь сказать, что я недостаточно внимательно смотрела, пока ты ездил сюда трахать-ся?

Милана вздрогнула.

Илья шагнул вперёд. — Следи за языком.

Надежда посмотрела на него с таким удивлением, что он остановился.

— Почему? — спросила она. — Артём услышит неправильное слово и поймёт, что ты спишь с женой и его матерью одновременно? Нужно беречь ребёнка от такой ужасной лексики?

— Я сказал: следи за языком.

— А ты следил за чем-нибудь?

— За всем, — отрезал Илья. — Последние годы я один и следил за всем. За деньгами, за заказчиками, за рекламой, за тем, чтобы эта твоя мастерская окончательно не утонула. Ты думаешь, красивые вещи сами продаются? Ты думаешь, достаточно придумать узор, испачкаться глиной и ждать, пока люди принесут тебе деньги? Нет. Это я годами объясняю людям, зачем им всё это нужно. Я ищу клиентов. Я договариваюсь. Я вытаскиваю нас каждый раз, когда ты снова говоришь, что производство не укладывается в бюджет.

Надежда слушала и чувствовала, как внутри что-то меня-

ется. Не боль исчезала — наоборот, она становилась глубже, но рядом с ней впервые появлялось другое чувство. Злость. Пока ещё холодная, почти спокойная.

— А это? — спросила она, указав на камин. — Ты тоже нас этим вытаскивал?

Илья посмотрел туда, куда она указала.

— Это демонстрационные материалы.

— Которые стоят в доме твоей любовницы.

— И благодаря которым Милана сняла десятки роликов, привела нам клиентов и заработала предприятию деньги.

— Предприятию?

— Да.

— Тогда почему у нас три месяца задерживалась зарплата прошлой зимой?

Он отвёл глаза всего на мгновение.

Надежда заметила и это.

— Почему я работала в холодном цехе, Илья? — продолжила она, уже не повышая голоса. — Почему ты сказал мне, что на котёл нет денег, если здесь в это время стоял мой камин? Почему плитка, которую ты велел списать, лежит у неё в прихожей? Почему моя ваза, которую я считала потерянной, стоит на её полке? Сколько ещё здесь вещей, за которые мануфактура не получила ни копейки?

— Не начинай считать сейчас каждую тарелку.

— Я не про тарелки спрашиваю.

— А звучит именно так.

Милана вдруг вмешалась. — Илья, ты говорил, что за всё это заплачено.

Он резко посмотрел на неё. — Мил, пожалуйста, не лезь в производство. Ты не понимаешь, как там всё устроено.

Надежда почти физически почувствовала, как слова ударили уже в другую женщину. Милана выпрямилась.

— Мне ты говорил, что этот дом был частью рекламного сотрудничества, — сказала она. — Что мастерская получает за материалы.

— Получала пользу, — раздражённо исправил Илья. — Не всё в бизнесе оплачивается отдельным переводом за каждую вещь. Иногда реклама важнее.

— Рабочим твою рекламу на карту переводить? — спросила Надежда.

Он повернулся к ней. — Вот поэтому с тобой невозможно разговаривать о серьёзных вещах. Ты всегда видишь один цех. Одну печь. Одну зарплату. Я вижу весь бизнес.

Эта фраза тоже была знакома. Надежда слышала её столько раз, что могла бы продолжить сама. Он видит шире. Он думает наперёд. Он понимает рынок. Она замечательный мастер, но в деньгах и людях слишком доверчива. Надежде нужно заниматься тем, что у неё получается, а остальное оставить ему.

Много лет это казалось разумным распределением.

Теперь она смотрела на дом, построенный внутри этого распределения.

— Где трещина? — неожиданно спросил Илья.

Надежда не сразу поняла вопрос.

Он указал на панно. — Ты посмотрела хотя бы? Нам через три часа людей принимать. Съёмочную группу уже не перенесёшь.

Милана повернулась к нему так резко, словно не поверила собственным ушам. — Илья...

— Что? — Он посмотрел на неё искренне раздражённо. — Панно от этого само не починится. Мы можем до вечера выяснять отношения, но в одиннадцать сюда приедут люди.

Надежда медленно перевела взгляд на открытый чемоданчик.

Вот оно.

Измена, дом, ребёнок, три года лжи — всё это Илья каким-то образом сумел отодвинуть в сторону как неприятный бытовой шум. Осталась работа. Жена приехала с инструментами. Значит, нужно закончить работу.

— Ты хочешь, чтобы я его починила? — спросила она.

Илья устало провёл ладонью по лицу. — Надя, я хочу, чтобы мы сейчас хотя бы не разрушали ещё и то, что кормит всех нас. Панно твоё. Ты знаешь, как исправить. Сделай, пожалуйста. Потом поедem домой и спокойно поговорим.

— Домой?

Он понял, что сказал, и на несколько секунд замолчал.

Надежда посмотрела на табличку возле камина.

«Илья, Милана и Артём. Наш дом».

— В какой? — спросила она.

Милана отвернулась.

Илья выругался себе под нос. — Не цепляйся к словам.

— А к чему мне цепляться?

— Да ни к чему! — Он наконец повысил голос, но тут же посмотрел на лестницу и заговорил тише. — Просто соберись. Ты взрослая женщина. Да, всё получилось плохо. Да, я должен был сказать раньше. Но ничего уже не изменить. У меня отношения с Миланой. Артём ко мне привязан. Я не собираюсь делать вид, что этого нет, только потому что тебе больно.

— Как благородно.

— И не начинай с сарказма.

— Я вообще ещё не начинала.

Илья приблизился на шаг, но теперь Надежда видела в нём не мужа. Это было странное ощущение. Лицо осталось прежним, голос прежним, рубашку она сама гладила несколько часов назад, но человек перед ней вдруг отделился от всей общей жизни, словно она смотрела на знакомого актёра после окончания спектакля и впервые понимала, что роль существовала только на сцене.

— Мы вечером всё обсудим, — сказал он уже спокойнее. — Без истерик, без взаимных унижений. Я подготовил варианты, как разделить всё так, чтобы никто не пострадал. Ты останешься при мануфактуре. Тебе и не нужно ничего другого, ты сама это прекрасно знаешь. Я не собираюсь бросать

тебя без работы или денег.

Надежда медленно подняла на него глаза.

— Спасибо.

Илья не услышал издёвки или не захотел слышать. — Я серьёзно. Я понимаю, сколько лет мы прожили вместе. Я не враг тебе.

— Нет?

— Нет. И именно поэтому хочу решить всё нормально.

Он положил ладонь ей на плечо.

Надежда посмотрела на эту руку. Ещё вчера она могла бы накрыть её своей. Сейчас прикосновение вызвало такое отвращение, что тело отреагировало раньше мысли: она резко отступила.

Илья нахмурился.

— Не надо, — сказала Надежда.

— Надь...

— Не трогай меня.

Он убрал руку и усмехнулся, уже начиная терять терпение. — Хорошо. Как скажешь. Только давай без театра. Мы не подростки.

Надежда присела возле чемоданчика.

Муж заметно расслабился, решив, что она наконец занялась панно.

Она аккуратно собрала разложенные кисти. Убрала маленький шпатель, коробку с пигментами, тонкие ножи и салфетки. Каждый предмет лёг в своё место. Замки чемодан-

чика закрылись один за другим — первый щёлкнул громче, второй чуть тише.

— Что ты делаешь? — спросил Илья.

— Собираюсь.

— Я вижу. Зачем?

Надежда выпрямилась и взяла чемоданчик за ручку.

— Потому что я не буду это чинить.

Илья несколько секунд смотрел на неё, словно пытался понять, шутит ли она. — Надь, перестань.

— Нет.

— У нас съёмка.

— Знаю.

— Там трещина.

— Тоже знаю.

— И ты можешь исправить её за час.

— Могу.

— Тогда в чём проблема?

Вот теперь Надежда действительно рассмеялась. Тихо, почти беззвучно, и от этого Милана посмотрела на неё с тревогой.

— Ты правда не понимаешь? — спросила Надежда.

Илья сжал губы. — Я понимаю, что ты решила наказать нас работой. Очень зрелое поведение.

— Вас?

— Клиента. Меня. Людей, которые приедут сюда. Всех, кто вообще никак не связан с нашими личными отношениями.

ями.

— Клиент — это Милана?

— Не только.

— Кто платил за это панно?

Он не ответил сразу.

— Илья?

— Сейчас не время.

— Вот именно.

Надежда направилась к прихожей. Муж двинулся следом.

— Стой, — произнёс он уже без просьбы. — Ты сейчас вернёшься и закончишь работу.

Она остановилась.

За двадцать пять лет Илья много раз говорил с ней таким голосом. Обычно в нём не было ничего страшного. Он просто привык, что если решение принято, то спорить дальше бессмысленно. Надежда тоже привыкла. Когда надо было срочно переделать заказ, она переделывала. Когда требовалось перенести отпуск, переносила. Когда Илья говорил, что сейчас не время менять машину или ремонтировать крышу мастерской, она соглашалась. Наверное, именно из таких маленьких согласий и вырос огромный дом, в прихожей которого сейчас висела потерянная куртка её мужа.

— Нет, — сказала она.

Он даже моргнул.

— Что?

— Я сказала нет.

Илья посмотрел на неё так, будто услышал незнакомое слово на чужом языке. Потом усмехнулся и покачал головой. — Ты сейчас в шоке. Хорошо. Я понимаю. Езжай домой, приведи себя в порядок. Но вечером мы поговорим, и я очень советую тебе до этого времени успокоиться. Потому что дальше речь пойдёт уже не о нас двоих.

Надежда положила ладонь на дверную ручку.

— О ком?

Илья приблизился, остановившись в нескольких шагах. Милана осталась возле гостиной и слушала, не вмешиваясь.

— О мануфактуре, — сказал он. — О людях. Через несколько дней зарплата восемнадцати сотрудникам, а денег на неё практически нет. Есть обязательства, есть поставщики, есть заказы, которые держатся на моих договорённостях. Я подготовил вариант, при котором производство можно сохранить после развода. Если ты сейчас решишь действовать на эмоциях, пострадает не только твоя гордость.

Надежда почувствовала, как рука сильнее сжала холодную металлическую ручку чемоданчика.

— Ты мне угрожаешь?

— Я объясняю реальность.

— В доме любовницы.

Илья поморщился. — Опять ты за своё.

— Да. Представляешь, никак не могу отвлечься.

— Надя, мне действительно жаль, что тебе больно, — сказал он, и впервые за весь разговор в голосе появилось что-то

похожее на человеческую мягкость. Только Надежда уже не могла понять, была ли она настоящей или просто ещё одним способом заставить её сделать то, что нужно. — Но жизнь не заканчивается сегодня. У нас есть предприятие, которое мы строили много лет. Если ты хочешь сохранить его, вечером придётся разговаривать спокойно и слушать, а не только обвинять.

Она посмотрела на него.

За его плечом Милана стояла возле камина, опустив руки. Наверху прошёл ребёнок, потом что-то упало, и Артём громко сказал кому-то невидимому, что это не он. Илья машинально обернулся на звук, прислушался, а потом снова посмотрел на жену.

Вот это движение и стало последним.

Не признание. Не дом. Даже не три года.

Он услышал шум наверху и повернулся туда так, как поворачиваются дома. Привычно. Без мысли.

Надежда открыла дверь.

Холодный воздух ударил в лицо, с козырька срывались тяжёлые капли дождя. Она шагнула наружу, но Илья поймал дверь ладонью прежде, чем та закрылась.

— В семь будь дома, — сказал он. — И пожалуйста, постарайся к этому времени взять себя в руки. Я не хочу войны.

Надежда остановилась на мокрой ступени и посмотрела на мужа через плечо.

— А я ещё не знаю, чего хочу.

— Вот поэтому и не делай глупостей.

Она ничего не ответила. Спустилась к машине, открыла багажник и положила чемоданчик внутрь. Руки снова дрожали, теперь уже сильнее, поэтому замок багажника пришлось закрывать дважды. За спиной дверь дома захлопнулась.

Надежда села за руль, но не завела двигатель. Дождь быстро покрыл лобовое стекло, и через несколько секунд дом превратился в размытое белое пятно между тёмными соснами. Она положила обе руки на руль и сидела так, не двигаясь, пока пальцы не начали болеть от напряжения.

Телефон лежал рядом.

На экране высветилось сообщение от Ильи.

«В 19:00 дома. Пожалуйста, без самостоятельности до разговора. От этого зависит фабрика».

Надежда прочитала сообщение. Потом подняла глаза на дом.

Сквозь мокрое стекло в одном из окон второго этажа мелькнула маленькая фигура Артёма. Внизу зажёгся ещё один свет, затем через штору прошла Милана. Через несколько секунд появился Илья. Он остановился рядом с ней, что-то сказал, а Милана резко отвернулась.

Надежда завела машину.

На выезде из посёлка охранник поднял шлагбаум и пожелал хорошего дня. Она машинально поблагодарила, выехала на мокрую дорогу и только через несколько километров поняла, что едет не в сторону дома.

Навигатор несколько раз предлагал развернуться.

Надежда выключила звук и продолжила путь к мануфактуре.

Глава 2. Жена для убытков

К семи вечера Надежда успела трижды решить, что домой не поедет, и столько же раз передумать. Весь день мануфактура спасала её от необходимости вспоминать утро: сначала плохо повела себя вторая печь, потом обнаружилось, что в гостиничной партии не хватает двенадцати угловых элементов, после обеда позвонил поставщик и осторожно, почти извиняющимся голосом напомнил о просроченном платеже. Галина Петровна дважды спрашивала, всё ли в порядке, а потом перестала, потому что Надежда отвечала слишком быстро и слишком одинаково. Она работала так, как иногда работают люди после похорон: не потому, что действительно способны сосредоточиться, а потому, что любое простое действие — проверить температуру, поставить подпись, пересчитать коробки — хотя бы на несколько минут удерживает разум от того места, куда он всё равно возвращается. Перед глазами снова появлялась табличка возле камина. Илья, Милана и Артём. Наш дом. Потом мальчик в школьной рубашке, спрашивающий, скоро ли приедет папа. Потом серая рубашка самого Ильи, которую Надежда гладила собственными руками за несколько часов до того, как увидела мужа в доме другой женщины.

К концу смены она уже знала о происходящем на производстве гораздо меньше, чем обычно. Михаил мог бы заме-

нить половину деталей в печи, Аня могла бы переписать весь список заказов, Галина Петровна могла бы вынести через ворота мешок дорогого пигмента, а Надежда, скорее всего, лишь кивнула бы и попросила закрыть дверь. Она стояла у длинного стола, перебирая плитки после первого обжига, и уже минут пять держала в руках один и тот же образец, пока Галина Петровна не подошла с другой стороны и не забрала его без спроса. — Домой езжай, Надь, — произнесла мастерица, переворачивая плитку и рассматривая край. — Ты сегодня уже один раз чуть не отправила нормальную партию обратно в печь. Ещё пару часов такой работы, и мы сами тебя туда посадим, обожжём при тысяче градусов и посмотрим, станешь ли умнее.

Надежда подняла глаза. Галина Петровна работала в мастерской ещё при её отце и потому обладала одним редким правом — говорить с Надеждой так, как никто другой давно не решался. Невысокая, сухая, с седыми волосами, коротко обрезанными у шеи, она могла назвать хозяйку дурой при двух учениках и через минуту снять с неё рабочий фартук, потому что заметила прожжённый рукав. Сейчас женщина смотрела не с любопытством, а с тяжёлой настороженностью человека, который уже всё понял, но не собирается вытаскивать признание силой. — Я поеду, — ответила Надежда, вытирая руки о ткань фартука. — В семь он велел быть дома. — Велел? — Галина Петровна чуть приподняла бровь, но не стала развивать тему. Она положила плитку обратно

на стол, поправила бумажную бирку возле партии и добавила уже спокойнее: — Тогда езжай. Только если после этого разговора захочется разбить что-нибудь тяжёлое, сначала вспомни, что у нас формы дорогие. Лучше разбей ему нос, он хотя бы не числится на балансе мастерской.

Надежда почти улыбнулась, но получилось плохо. Она сняла фартук, повесила его на крючок и только возле двери обнаружила на рукаве свитера длинную серую полосу глины. Обычно она бы попыталась оттереть её влажной салфеткой, особенно если собиралась говорить с Ильёй о чём-то важном. Муж не любил, когда она приносила производство домой, и нередко говорил, что от неё пахнет печью даже после душа. Сегодня Надежда посмотрела на серое пятно и оставила как есть. Мысль о том, чтобы специально приводить себя в порядок перед разговором с человеком, который три года возвращался к ней из другой семьи, показалась настолько нелепой, что даже вызвала короткое раздражённое веселье.

На парковке уже стемнело. Дождь почти закончился, но воздух оставался влажным, холодным, а возле фонаря висела мелкая водяная пыль. Надежда села в машину и несколько минут смотрела на телефон, не заводя двигатель. Илья больше не писал после утреннего сообщения. Ни вопроса о том, добралась ли она до фабрики, ни попытки объясниться, ни хотя бы привычного «купи молоко», словно всё действительно было назначено на семь вечера и до этого времени супру-

гам предписывалось заниматься своими делами. Она открыла переписку и медленно пролистала несколько последних дней. «Где моя синяя рубашка?» — «В шкафу справа». «Буду поздно». — «Ужин оставить?» — «Да». «У мамы давление, позвони ей завтра». — «Хорошо». Потом фотография счета от поставщика, которую Илья прислал три дня назад со словами «это уже невозможно, разбирайся». Ещё выше находилось сообщение двухнедельной давности: «Сегодня останусь в салоне, утром съёмка с Миланой». Надежда тогда поставила обычный палец вверх, потому что сидела возле печи и не хотела печатать. Теперь этот маленький синий знак показался ей особенно унижительным. Она сама благословляла каждый его ночной отъезд, потому что верила мужчине, с которым прожила больше половины взрослой жизни.

Машина выехала с территории мануфактуры в половине седьмого. Надежда не торопилась, хотя Илья ненавидел опоздания и считал их разновидностью неуважения. Она ехала по вечернему городу, наблюдая, как в окнах загорается тёплый свет, люди спешат с пакетами из магазинов, кто-то тянет за руку ребёнка в жёлтой куртке, а возле остановки мужчина придерживает зонт над женщиной, пока сам мокнет под дождём. Обычная жизнь продолжалась с таким спокойным равнодушием, что Надежде хотелось открыть окно и закричать людям, что сегодня утром выяснилось нечто чудовищное, а они всё равно покупают хлеб, ждут автобусы и ругаются на светофорах. Она не сделала этого, конечно. Чу-

жой мир никогда не останавливается ради твоего предательства, и в этом было одновременно что-то ужасное и успокаивающее.

К дому она подъехала без десяти семь. Окна их квартиры на восьмом этаже светились. Илья уже был там. Надежда узнала гостиную по тёплому прямоугольнику света и вдруг вспомнила, что утром оставила на сушилке полотенце, а на кухне — чашку возле раковины. Маленькие, совершенно ненужные детали. Она заглушила двигатель, но ещё некоторое время сидела, положив ладони на руль. В доме Миланы Илья сказал, что вечером они всё обсудят спокойно. Будто существовало такое количество спокойствия, которого хватило бы объяснить три года чужой жизни.

Поднявшись на этаж, Надежда сразу увидела возле двери две пары обуви: свои старые ботинки для прогулок и домашние тапочки Ильи, которые каким-то образом оказались выставлены в коридор. Обычно ничего здесь не стояло. Муж терпеть не мог захламлённую площадку и даже однажды поругался с соседями из-за детского велосипеда у стены. Надежда открыла дверь своим ключом и ещё до того, как сняла куртку, поняла: он действительно готовился.

В прихожей стало просторнее. Её длинное осеннее пальто исчезло с привычного крючка, рядом не было шарфа и старой сумки, которую она носила на рынок. Надежда открыла шкаф. Половина её вещей отсутствовала. На стороне Ильи всё осталось по-прежнему: пальто, костюмы, несколько ру-

башек в чехлах, коробка с зимней обувью. Её одежду кто-то аккуратно снял, не бросил и не смял, а перенёс в другое место. Именно эта аккуратность напугала сильнее, чем если бы муж в ярости вышвырнул вещи в коридор. Никакой ссоры ещё не произошло, а он уже распределил пространство квартиры так, как будет удобно после неё.

— Ты пришла, — раздался голос из гостиной.

Надежда закрыла шкаф и прошла дальше. Илья сидел за столом, где они обычно ужинали. На нём уже не было утренней серой рубашки: он переоделся в тёмную домашнюю футболку и брюки, словно обычный рабочий день закончился и впереди действительно предстоял обычный семейный вечер. На столе стояла открытая бутылка красного вина, рядом две чашки вместо бокалов — их любимые керамические чашки, сделанные Надеждой лет пятнадцать назад, когда она впервые пробовала новую красную глазурь. Между ними лежали три папки, несколько отдельных листов и дорогая ручка Ильи, которую он доставал только для встреч с важными клиентами.

Он поднялся, но к жене не подошёл. — Я заказал еду, — сказал Илья, указав на кухню. — Ты, наверное, ничего не ела. Там суп и горячее, можешь разогреть. Я подумал, сначала лучше поговорить, а потом уже ужинать.

Надежда сняла куртку и положила её на спинку стула. — Где мои вещи?

Илья чуть нахмурился, словно вопрос нарушил заранее

подготовленную последовательность. — В маленькой комнате, — ответил он после короткой паузы. — Я решил, что сегодня нам лучше спать отдельно. После того, что произошло утром, это будет нормально.

— Ты решил.

— Надь, не начинай с формулировок.

Она посмотрела на мужа и вдруг почувствовала почти физическую усталость. Он действительно думал, что проблема заключается в формулировках. Не в том, что любовница существует три года, а в том, как именно рассказать об этом жене; не в том, что вещи Надежды перенесли из спальни, а в слове «решил». Илья всегда умел убирать самое страшное под аккуратные слова, будто неприятная действительность становится меньше, если разложить её по папкам.

Надежда прошла по коридору и открыла дверь маленькой комнаты. Когда-то она была кабинетом её отца во время редких приездов, потом здесь ночевала мать Ильи, потом помещение превратилось в гостевую спальню и склад вещей, которые жалко выбросить. Теперь кровать была застелена свежим бельём, а на кресле лежали её домашний халат, одежда, несколько коробок с косметикой и стопка книг с прикроватной тумбочки. Даже зарядку для телефона перенесли сюда. На комодѣ стоял её маленький флакон духов, почти пустой. Надежда взяла его и вспомнила, что утром он ещё был в спальне возле зеркала.

— Когда ты это сделал? — спросила она, не оборачиваясь.

Илья стоял в дверях. — Днём.

— Ты приезжал домой?

— Да.

— Между салоном и тем домом?

Он устало выдохнул. — Надежда, я понимаю, что тебе хочется каждую фразу превращать в обвинение, но это никуда нас не приведёт.

Она поставила духи обратно. — Ты вчера вечером уже знал, что сегодня перенесёшь мои вещи сюда?

Илья не ответил сразу. Затем пожал плечами. — Я знал, что разговор должен состояться в ближайшее время. После утра стало понятно, что откладывать бессмысленно.

— А до утра ты хотел, чтобы я продолжала спать рядом?

— Мы и так почти не разговаривали ночью.

— Я не спросила, разговаривали ли мы.

Он стиснул губы и ушёл обратно к столу. Надежда последовала за ним. Садиться не хотелось, но стоять напротив мужа, пока тот расположился возле своих папок, было ещё хуже. Она выбрала стул на другой стороне стола и положила руки на колени. Илья подтолкнул к ней чашку.

— Налить? — спросил он, берясь за бутылку.

— Нет.

— Тебе было бы легче.

— А тебе?

Он всё-таки налил себе. Вино тонкой струёй ударило в керамику, оставляя тёмно-красный след на белой внутренней

стенке чашки. Надежда вдруг вспомнила, как делала этот комплект. Одна чашка вышла чуть кривой, Илья выбрал её себе и сказал, что нормальные люди покупают посуду ровной, а настоящие мужчины живут с тем, что досталось от жены. Тогда Надежда смеялась минут пять, а потом расписала на донышке его инициалы. Илья до сих пор пользовался именно этой чашкой. Даже сегодня.

— Я не собираюсь оправдываться, — начал он, сделав небольшой глоток. — Думаю, это будет унинительно для нас обоих. То, что произошло с Миланой, произошло не вчера. Между нами давно есть отношения, и я не стану говорить, что это случайность, ошибка или слабость. Это было бы ложью.

Надежда посмотрела на него. — Как приятно, что теперь тебя заинтересовала ложь.

— Я понимаю сарказм, — спокойно ответил Илья. — Но мы можем либо провести здесь всю ночь, перебрасываясь колкостями, либо попытаться решить, как жить дальше. Я предпочитаю второе.

— Ты уже решил, как жить дальше.

— В общих чертах — да.

Он произнёс это без стыда. В этом и заключалось самое удивительное: Илья не был человеком, которого застали врасплох и заставили выбирать. Выбор уже сделан. Дом уже существовал. Артём уже называл его папой. Вещи Надежды уже лежали в гостевой комнате. Теперь муж просто собирал-

ся сообщить ей, какая часть прежней жизни останется у неё после того, как он заберёт свою.

Илья открыл первую папку. — Я хочу, чтобы ты сразу поняла одну вещь. Я не собираюсь уничтожать тебя или оставлять ни с чем, — сказал он, разворачивая перед собой несколько страниц. — Несмотря на то, что происходит между нами, я уважаю твой труд и понимаю, сколько лет ты отдала производству. Мануфактура остаётся за тобой. Полностью.

Надежда несколько секунд смотрела на него.

— Остаётся?

— Да. Здание, оборудование, участок, производственная часть. Всё.

— Как щедро.

Илья нахмурился. — Это не щедрость. Я просто предлагаю разумное разделение. Ты занимаешься тем, что умеешь лучше всего, я — тем, чем все эти годы занимался я.

Он придвинул один лист ближе. Надежда не стала брать. В верхней части были напечатаны какие-то длинные строки, ниже таблица и несколько выделенных жирным пунктов. Слова расплывались перед глазами, потому что она ещё не пыталась их читать.

— Мастерскую основал мой отец, — сказала она.

— Я знаю.

— Землю купил мой отец.

— Надь, я прекрасно знаю историю нашей семьи.

— Не нашей. Моей.

Илья замолчал.

Надежда впервые за вечер заметила, как на его лице появляется настоящее раздражение, а не подготовленная терпеливость. Оно промелькнуло и исчезло. — Хорошо, твоей семьи, — согласился он. — Это ничего не меняет. Именно поэтому производство и остаётся у тебя. Я не претендую на старое здание.

Старое здание.

Когда отец приобрёл его, там была полуразрушенная столлярная мастерская с протекающей крышей. Надежде тогда исполнилось двадцать четыре, Илья был на два года старше, и они только поженились. Отец три месяца ругался со всеми подряд, потому что считал, что ему продали развалины по цене дворца, а потом сам разобрал половину перегородок. Надежда помнила запах сырого дерева, мокрой штукатурки и первой глины, которую они привезли в мешках на старой «Газели». Первая печь была маленькой, капризной и грелась так неравномерно, что почти каждую вторую партию приходилось выбрасывать. Отец говорил, что зато они научатся понимать огонь, а человек, который начинает сразу на хорошем оборудовании, никогда не узнает, почему у него получается.

Илья тогда действительно был рядом. Не приезжал раз в неделю посмотреть на результат, а таскал мешки, спал на раскладушке в бывшем кабинете, ругался с электриками

и однажды рассёк ладонь о металлический лист так сильно, что кровь заливала весь рукав. Надежда сидела с ним в травмпункте три часа, держала пакет со льдом и думала, что ей невероятно повезло с мужем.

— Когда папа оформил здание на меня, — произнесла она, возвращаясь в настоящее, — ты сказал, что так правильно. Что дело должно оставаться Соколовым независимо от того, что случится.

— Я и сейчас говорю то же самое.

— Нет. Сейчас ты говоришь, что великодушно оставляешь мне то, что никогда тебе не принадлежало.

Илья отставил чашку. — Если тебе обязательно нужно победить меня в каждой фразе, хорошо. Считай, что победила. Здание твоё. Я его не забираю. Дальше можно?

Надежда кивнула.

Он открыл вторую папку. — Городской салон остаётся за мной. Это логично. Его создавал я, договора по аренде на моей компании, сотрудники занимаются продажами под моим руководством. Страницы бренда тоже остаются у салона, потому что вся реклама, продвижение и база клиентов привязаны к нему.

— «Дом Арсеньевых»?

— Да.

— Название придумали для нашей мастерской.

— Название придумал я.

— Для нашей мастерской.

— И зарегистрировал его я, — спокойно уточнил Илья. — Надь, давай не будем сейчас изображать, будто двадцать лет существовал один большой глиняный сарай, который внезапно кто-то решил у тебя отнять. Ты прекрасно знаешь, как всё развивалось.

Знала.

Первые несколько лет отец называл дело просто «Мастерская Соколовых». На вывеске над воротами была фамилия, которую он сам вырезал на доске, и маленькое изображение печи. Илья ненавидел эту вывеску. Говорил, что она выглядит как вход в сельский гараж и отпугивает людей, готовых платить за дорогую ручную работу. Именно он придумал «Дом Арсеньевых». Надежда тогда спорила, потому что отец ещё был жив, но тот неожиданно поддержал зятя. «Пусть мальчишка продаёт, раз умеет, — сказал он, махнув рукой. — Главное, чтобы руки у нас оставались нашими».

Надежда вспомнила эту фразу и почувствовала, как становится трудно дышать.

Илья действительно умел продавать. Первую большую клиентку он нашёл почти случайно — разговорился в кафе с женщиной, которая делала ремонт в старом загородном доме. Потом привёл архитектора, потом владельца ресторана, потом они впервые попали на выставку. Илья научился рассказывать о керамике так, будто каждую плитку вручную лепили монахи в затерянном итальянском монастыре, хотя половину времени эти плитки делали Надежда, отец и две де-

вочки, которые после смены ели бутерброды прямо возле печи. Он не стеснялся назначать высокую цену, не боялся богатых клиентов и однажды отправил назад человека, потребовавшего скидку «за объём», хотя мастерская тогда едва платила аренду за склад.

Надежда любила его за это.

Возможно, именно поэтому понадобилось столько лет, чтобы она перестала замечать момент, когда помощь превратилась в право распоряжаться.

— Потом ты предложил разделить производство и салон,
— сказала она.

— Потому что это было необходимо.

— Ты сказал, так будет проще считать деньги.

— И было проще.

— Кому?

Илья усмехнулся. — Мы сейчас правда будем разбирать решения десятилетней давности?

— Я пытаюсь понять сегодняшние.

Он взял чашку, но пить не стал. — Хорошо. Производство — отдельная часть. Оно покупает материал, делает изделие и получает оплату за работу. Салон находит покупателя, ведёт переговоры, оплачивает рекламу, шоурум, дизайнеров, доставку и получает свою маржу. Так работает половина рынка.

— Не говори со мной так, будто я случайно зашла с улицы.

— Тогда не задавай вопросы, ответы на которые знаешь.

Надежда почувствовала привычное желание отступить. Именно в такой момент раньше она обычно прекращала спор: Илья говорил увереннее, быстрее, использовал слова, с которыми ей не хотелось возиться, и Надежда возвращалась к понятным вещам — печам, мастерам, эскизам. Сегодня ей впервые пришло в голову, что, возможно, именно этого от неё и ждали все эти годы.

Она наконец взяла лежащий перед ней лист. — Что ещё остаётся тебе?

— Клиентская база, салон, торговое имя, рекламные каналы. Часть текущих контрактов, которые заключал салон. Компания Миланы будет работать со мной отдельно, но это тебя вообще не касается.

— Уже касается.

— В личном смысле — да. В деловом нет.

— Дом, заполненный изделиями моего производства, тоже не касался меня в деловом смысле?

Илья потёр висок. — Я уже объяснил, что рекламные образцы использовались в работе.

— Ты ничего не объяснил.

— Потому что мы сейчас обсуждаем другое.

Он всегда делал так. Если тема становилась неудобной, она неожиданно оказывалась не той, которую обсуждают сегодня.

Надежда перевернула страницу. Внизу стояли суммы. На одной строке значилось оборудование, на другой — задол-

женность по материалам, ещё ниже — обязательства перед двумя поставщиками. Она узнала цифры, потому что последние месяцы видела их почти ежедневно. Долги производства действительно были большими. Не такими, чтобы немедленно закрыть предприятие, но достаточно серьёзными, чтобы каждый новый месяц начинался с вопроса, кому заплатить раньше.

— То есть мне остаются долги, — сказала она.

— Они относятся к производству.

— А деньги относятся к салону.

Илья раздражённо вздохнул. — Деньги не лежат где-то кучей, Надя. У салона свои расходы.

— Дом Миланы относится к расходам салона?

Он посмотрел на неё холоднее. — Не смешивай личное и рабочее.

— Ты три года смешивал.

— Я не собираюсь отчитываться перед тобой за каждую покупку.

— За деньги предприятия?

— За мои деньги.

Надежда подняла глаза.

Вот оно прозвучало.

Его деньги.

Илья, вероятно, тоже понял, что сказал, потому что слегка выпрямился. — Деньги, которые зарабатывала торговая часть, — поправил он. — После всех обязательств.

— Производственной части последние месяцы не хватало даже на зарплату.

— Потому что производство убыточное.

— Но салон прибыльный.

— Да.

— На товарах, которые делает убыточное производство.

Илья помолчал, а затем улыбнулся той самой короткой улыбкой, которую использовал на переговорах, когда собеседник задавал, по его мнению, наивный вопрос. — Вот поэтому я и говорю, что тебе лучше заниматься своим делом, — произнёс он. — Ты умеешь создавать великолепные вещи. Никто с этим не спорит. Но изделие, лежащее на складе, стоит ровно столько, сколько за него готов заплатить покупатель. Я нахожу покупателя. Я превращаю твою работу в деньги.

Надежда вспомнила дом Миланы.

Камин.

Пол.

Панно.

Керамическую табличку.

— Превращаешь, — согласилась она. — Только деньги почему-то превращаются обратно уже не в зарплату людям.

Илья отодвинул папку. — Если мы продолжим в таком тоне, разговор не имеет смысла.

— Утром ты сказал, что я должна слушать.

— Да.

— Я слушаю.

— Тогда дай мне договорить.

Надежда откинулась на спинку стула. — Говори.

Он как будто именно этого и ждал. Выпрямился, сложил руки перед собой и снова стал человеком, который пришёл на переговоры с готовым предложением. — Производство само по себе сейчас не выживет, — сказал Илья. — Ты можешь сколько угодно злиться на меня, Милану, салон, рынок, кого угодно, но через четыре дня зарплата. Через неделю надо платить за сырьё. У вас есть незакрытые заказы и оборудование, которое требует ремонта. Если после развода ты просто заберёшь здание и объявишь независимость, через пару месяцев всё остановится.

— И что ты предлагаешь?

— Сотрудничество.

Он открыл третью папку.

Надежда даже не сразу посмотрела на бумаги. Само слово показалось настолько циничным, что она несколько секунд изучала лицо мужа, пытаясь понять, способен ли он слышать себя со стороны.

— Какое сотрудничество?

— Нормальное. Долгосрочное. Производство остаётся у тебя, продажи — у нас. Мы продолжаем размещать у тебя заказы, ты получаешь гарантированный объём работы и стабильную оплату. Тебе не нужно искать клиентов, нанимать менеджеров или разбираться с рекламой. Просто делаешь то,

что умеешь.

— У нас?

Илья снова раздражённо поджал губы.

— У салона и компании Миланы.

— Значит, я буду делать керамику для тебя и твоей любовницы.

— Для компании.

— Которая принадлежит твоей любовнице.

— Если тебе так хочется это формулировать — да.

Надежда почувствовала удивительное спокойствие. Настолько глубокое, что оно начинало пугать. Ещё утром она думала, что самым страшным будет узнать об измене. Теперь оказалось, что измена была лишь дверью. За ней находилась целая конструкция, которую Илья успел построить, пока она считала, что они вместе пытаются выбраться из трудного периода.

— И под каким именем будут продаваться мои вещи?

— Это ещё обсуждается.

— Под именем Миланы?

— Не обязательно.

— Под «Домом Арсеньевых»?

— Возможно.

— А моё имя где?

Илья выдержал короткую паузу. — Надь, покупателю всё равно, кто лично стоял возле печи.

Она посмотрела на него.

Он понял, что снова сказал что-то не то, но отступить уже не стал. — Это не оскорбление. Я говорю о реальности. Люди покупают бренд, образ, историю. Милана умеет этот образ создавать. Ты сама это видела. После её первых публикаций продажи выросли почти вдвое.

— Продажи.

— Да.

— Но не деньги производства.

— Мы опять начинаем по кругу.

Надежда опустила взгляд на третью папку.

На первой странице стояла дата.

Она сразу заметила её, потому что цифры находились почти наверху, рядом с названием документа. Надежда прочитала один раз. Потом ещё.

Двадцать восьмое августа.

Сегодня было двенадцатое сентября.

Она перевернула страницу.

Тридцатое августа.

Следующая — второе сентября.

— Ты готовил это две недели, — сказала Надежда.

Илья замолчал.

Она подняла другой лист.

— Здесь дата конца августа.

— Черновики готовятся заранее.

— До сегодняшнего утра.

— Разумеется.

— До того, как я узнала.

Илья отодвинул чашку и посмотрел на жену уже без прежней терпеливости. — Я собирался сказать тебе.

— Когда?

— В ближайшее время.

— После того как я подпишу?

— Нет.

— До?

Он не ответил.

Надежда почувствовала, как внутри снова появляется холод. Дом Миланы утром вдруг перестал быть случайной жестокостью. Илья действительно планировал этот день. Документы лежали готовыми две недели, любовница ожидала жену, ребёнок был дома, а муж находился неподалёку, хотя говорил, что уехал в город.

Она медленно вернулась к первой странице.

— Что я должна подписать?

Илья потянулся к папке. — Дай, я объясню.

— Я умею читать.

— Там нужно понимать контекст.

— Я спросила, что ты хочешь от меня.

Муж несколько секунд смотрел ей в глаза, затем всё-таки заговорил. — Для нормальной работы новой схемы нужен оборотный капитал. Мы хотим взять финансирование под расширение салона и новые коллекции. Самый разумный вариант — использовать производственное здание как обеспе-

чение. Оно стоит достаточно, чтобы получить нормальные условия.

Надежда сначала не поняла.

Потом поняла.

— Мастерскую отца.

— Здание, да.

— Моё здание.

— Оно будет работать на сохранение производства.

— Если вы перестанете платить?

— Мы не перестанем.

— Если?

Илья постучал пальцами по столу. — Тогда возникнут проблемы. Но их не возникнет, если все будут выполнять свою часть работы.

— Какая у меня часть?

— Производить заказы.

— Для Миланы.

— Для торговой компании.

— Которая принадлежит Милане.

— Господи, Надя.

Он откинулся назад и провёл ладонями по лицу, уже не скрывая раздражения. — Ты хочешь сохранить людей или нет? Вот просто ответь. Без Миланы, без измены, без всей этой личной грязи. Восемнадцать человек. У многих семьи. У Михаила двое детей. У Ани кредит. Галина Петровна вообще никуда уже не уйдёт в её возрасте. Через четыре дня

им платить зарплату. У тебя этих денег нет.

— У нас.

— Что?

— У нас нет денег. Так ты говорил ещё вчера.

— Сейчас это уже не важно.

— Мне кажется, сейчас это единственное, что важно.

Илья наклонился вперёд. — Нет. Сейчас важно, будешь ли ты вести себя как хозяйка, отвечающая за людей, или как обиженная женщина. Если подпишешь соглашение, производство получает заказы на несколько лет. Ты сохраняешь фабрику, сотрудников, оборудование. Я сохраняю продажи. Никто не остаётся на улице. Да, наш брак закончится. Но работа продолжится.

— А если не подпишу?

Он пожал плечами.

— Тогда попробуешь сама.

Простые слова.

Без угрозы.

И от этого они прозвучали страшнее.

— И заказы уйдут?

— Те, которые принадлежат салону, конечно.

— Клиенты?

— Клиенты работают с брендом.

— Страницы?

— Салона.

— Деньги?

— Надь, хватит.

Она отложила бумагу.

Теперь картина стала почти ясной. Илья не просто соби-
рался уйти к другой женщине. Он подготовил для жены ме-
сто после своего ухода. Мануфактура, старые печи, долги,
люди, которых Надежда не сможет бросить, и договор, пре-
вращающий всё это в производственный придаток бизнеса
Миланы. Даже выбор был предусмотрен: либо соглашайся
и работай на нас, либо сама отвечай перед восемнадцатью
людьми, которых мы оставим без заказов.

— Ты всё продумал, — сказала Надежда.

Илья услышал в голосе не восхищение, но всё равно кив-
нул. — Я старался сделать так, чтобы никто не потерял боль-
ше необходимого.

— Кто именно что теряет?

— Надя...

— Я теряю мужа.

Он отвёл взгляд.

— Дом.

— Квартира общая, мы её разделим.

— Имя бизнеса.

— Это бренд.

— Клиентов.

— Это продажи.

— Прибыль.

— У тебя будет производственная оплата.

— А тебе что остаётся потерять?

Илья замер.

Надежда сама ответила: — Ничего.

— Я теряю двадцать пять лет брака.

— Ты их потерял три года назад.

— Не только я.

Она подняла голову.

Илья долго смотрел на неё, будто решал, стоит ли говорить дальше. Потом взял чашку, сделал большой глоток и поставил обратно. — Вот только не надо делать вид, что Милана появилась на пустом месте, — сказал он. — К тому моменту между нами уже почти ничего не осталось.

— Я вчера гладила тебе рубашку.

— Опять рубашка.

— Потому что это было вчера, Илья. Не десять лет назад.

— Забота — не то же самое, что близость.

— Ты три года спал с другой женщиной, а теперь будешь объяснять мне, почему между нами не было близости?

— Я хотя бы пытаюсь объяснить.

— Нет. Ты объясняешь мне, почему я виновата.

Он резко поднялся. Стул скрипнул по полу. Илья подошёл к окну, постоял спиной к жене и заговорил уже громче, потому что привычная ровность наконец дала трещину. — Потому что ты действительно не видела ничего, кроме этой чёртовой мастерской! — выпалил он. — Двадцать лет я слушал про глазурь, печи, обжиг, мастеров, сырьё. Мы отклады-

вали поездки из-за заказов. Отменяли праздники. Ты могла ночью встать и поехать туда, если Галина звонила, но когда я говорил, что устал, ты отвечала: «Потерпи, сейчас трудный месяц». Каждый месяц был трудным!

Надежда смотрела на его спину.

— Кто говорил, что нам нельзя позволить себе отпуск последние три года?

Илья обернулся. — Потому что бизнес был в кризисе.

— Кто показывал мне цифры?

Он замолчал.

— Ты.

— Не передёргивай.

— Кто говорил, что нужно работать больше, чтобы вытащить производство?

— Мы действительно должны были работать.

— И пока я работала, ты жил в другом доме.

Илья опустил глаза. На мгновение Надежде показалось, что хотя бы сейчас ему станет стыдно. Но муж вместо этого вернулся к столу и закрыл одну из папок.

— С Миланой я впервые за много лет почувствовал, что кому-то нужен не как человек, который обязан бесконечно решать проблемы, — произнёс он. — Она интересовалась мной. Не производством, не тем, сколько заказов я привёл. Мной.

— И поэтому ты дал ей мои коллекции?

— Господи.

— Просто пытаюсь понять, как именно выглядит любовь.

— Не превращай разговор в издёвку.

— Я не умею говорить о вашей любви серьёзно.

Он вдруг усмехнулся. — Вот. Именно это. Ты всегда так. Любая эмоция, которую нельзя потрогать и поставить в печь, кажется тебе чем-то несерьёзным.

Надежда долго смотрела на него.

Потом взгляд случайно упал на фотографию, стоявшую на книжной полке. Они вдвоём на море, лет пятнадцать назад. Илья загорелый, моложе, обнимает её за талию. Тогда они всё-таки уехали на десять дней, оставив мастерскую отцу. На третий день Надежда позвонила домой, услышала, что печь работает нормально, и впервые позволила себе расслабиться. Илья купил дешёвую соломенную шляпу, которую носил до конца отпуска, несмотря на то что она делала его похожим на торговца кукурузой.

Было.

Всё это действительно было.

Поэтому нынешний человек напротив причинял такую боль. Если бы он всегда был мерзавцем, всё оказалось бы проще.

— А ребёнок? — спросила Надежда.

Илья не сразу понял, о чём она.

— Что?

— Артём.

Лицо мужа изменилось. Стало мягче почти незаметно. —

Не втягивай его.

— Я не втягиваю. Я спрашиваю о тебе.

— О чём именно?

Надежда сцепила пальцы, чтобы руки не начали дрожать.

— Ты двадцать лет говорил, что детей не хочешь.

Он отвёл глаза.

— Мы это уже проходили.

— Я хочу пройти ещё раз.

— Зачем?

— Потому что сегодня утром чужой мальчик назвал моего мужа папой.

Илья сжал переносицу.

— Надя, пожалуйста.

— Нет. Теперь расскажи.

Он сел обратно, но уже не выглядел хозяином переговоров. Тема ему явно не нравилась.

— Мы решили не заводить детей вместе.

— Решили?

— Да.

— Кто?

— Мы оба.

Надежда почувствовала, как к горлу поднимается тошнота. — После операции мне сказали, что будет сложно забеременеть.

— Я помню.

— Я два года лечилась.

— Надя...

— Я два года лечилась, — повторила она, не позволяя перебить. — Потом врач сказал, что шансы почти не изменились. Через год я предложила усыновление.

Илья посмотрел в сторону.

— И что ты ответил?

— Это было давно.

— Ответь.

— Я сказал, что не готов.

— Нет. Ты сказал, что не собираешься тратить жизнь на чужого ребёнка.

Он поморщился. — Люди говорят всякое в тяжёлые моменты.

— Ты повторил это три раза.

— И что теперь?

— Теперь чужой ребёнок называет тебя папой.

Илья резко поднял взгляд. — Артём — не причина того, что произошло между нами.

— Я не обвиняю Артёма.

— Тогда зачем ты вообще его сюда тащишь?

— Потому что хочу понять, почему ему можно было получить того тебя, которого ты отказался дать мне.

Илья побледнел от злости.

— Ты сама выбрала мастерскую.

Надежда не поняла.

Он продолжил, уже не останавливаясь: — Когда всё с ле-

чением закончилось, у нас был выбор. Мы могли перестроить жизнь, заняться семьёй, усыновить, как ты хотела. Но что произошло? Умер твой отец, ты вцепилась в мастерскую обеими руками и жила там. Годами. Если бы ребёнок появился тогда, кто бы им занимался? Я один?

Надежда смотрела на мужа, не узнавая его.

— Ты отказался до смерти папы.

Илья на секунду запнулся.

— Неважно.

— Нет, важно.

— Ты всё равно потом сделала свой выбор.

— Какой?

— Глина. Печи. Мастерская. Всё это.

Он обвёл рукой пространство, будто производство находилось прямо здесь, между винной бутылкой и разложенными документами.

— Милана другая, — продолжил Илья. — Она умеет жить. Артём приходит из школы — она спрашивает, как прошёл день. Мы можем вечером просто посмотреть фильм, съездить куда-нибудь на выходные, сидеть за столом и разговаривать не о работе. Рядом с ними я почувствовал себя частью семьи. Настоящей семьи.

Последние два слова он произнёс без намерения ударить.

От этого удар получился сильнее.

Надежда отвела глаза, потому что несколько мгновений действительно не могла смотреть на него. Перед ней появи-

лась больничная палата много лет назад, белая стена, врач, объясняющий что-то спокойным профессиональным голосом, а рядом Илья, державший её за руку. Потом кухня через год, документы из школы приёмных родителей, которые Надежда принесла домой. Илья тогда даже не открыл папку. Сказал, что не сможет считать чужого ребёнка своим и лучше им вообще прекратить эту тему, если они не хотят разрушить брак.

Она прекратила.

Ради брака.

— Ты назвал это нашей семьёй, — сказала Надежда, всё ещё не глядя на него. — Мастерскую. Помнишь?

Илья молчал.

— Ты говорил, что раз уж детей не будет, мы оставим после себя дело. Что оно станет нашим общим наследием.

— Люди меняются.

Надежда наконец посмотрела на него.

— Да.

В комнате стало тихо. Илья первым отвёл глаза.

Надежда взяла верхнюю страницу третьей папки ещё раз, но теперь читала внимательнее. Несколько лет производства по заказам компании Миланы. Здание мастерской в качестве обеспечения. Гарантированный объём заказов, который на бумаге выглядел почти красиво. Слова «стабильность», «развитие», «совместная ответственность». Илья любил такие выражения.

Она перевернула последнюю страницу.

Место для подписи.

Надежда Арсеньева.

Рядом подпись Ильи уже стояла.

Ещё одна строка предназначалась для Миланы Ветлицкой.

На черновике возле неё тоже была подпись.

— Она это уже видела, — сказала Надежда.

Илья не ответил.

— Милана видела документы.

— Мы обсуждали будущую структуру.

— До того, как ты сказал жене, что у тебя любовница.

— Я собирался сказать.

— Она знала, что мне останется.

— Надь...

— Она знала про здание?

— Да.

Надежда положила лист на стол.

Теперь стала понятна и странная уверенность Миланы утром. Та не просто ждала, когда Илья наконец разведётся. Она уже обсуждала вместе с ним, каким образом будет работать мануфактура жены после развода. Возможно, выбирала коллекции. Возможно, считала будущие заказы. Возможно, сидела возле созданного Надеждой камина и слушала, как Илья объясняет, что бывшая жена продолжит производить для них керамику, потому что куда она денется.

— Поэтому ты отправил меня туда сегодня, — сказала Надежда.

— Панно действительно нужно было починить.

— Я не об этом.

Илья вздохнул.

— Мы опять возвращаемся к утру.

— Потому что оно было сегодня.

— Да, я понимал, что ты увидишь дом.

— Понимал?

— Надежда, рано или поздно всё равно пришлось бы...

— Ты специально отправил меня.

Он замолчал.

Этого было достаточно.

Она вспомнила, как Милана сказала: «Илья уверял, что вы давно обо всём знаете». Вспомнила мальчика. Фотографии. Мужа, приехавшего через несколько минут с собственными ключами. Документы, подготовленные две недели назад.

— Ты хотел, чтобы я увидела Артёма?

— Я не планировал каждую секунду, если ты об этом.

— Но знал, что он дома.

Илья раздражённо поднялся. — Да какая теперь разница?! — выпалил он и сразу понизил голос. — Да, я решил, что так будет проще. Что ты увидишь реальность, поймёшь, что это не какой-то роман на стороне, который можно закончить одним разговором. У меня там жизнь, Надя. Люди, ко-

которые от меня зависят. Артём ко мне привязан. Милана рассчитывает на меня. Мне нужно было, чтобы ты это поняла до того, как мы начнём обсуждать развод.

Надежда слушала и ощущала, как исчезает последнее сомнение.

Не случайность.

Не трусость.

Не мужчина, который годами не мог решиться признать-ся.

Он организовал её боль как часть переговоров.

Сначала показать дом.

Потом ребёнка.

Потом посадить за стол.

Потом положить перед ней бумаги.

И объяснить, что если она не согласится, без денег останутся восемнадцать человек.

— Ты рассчитывал, что я испугаюсь, — сказала она.

— Чего?

— Остаться с долгами.

— Ты должна их учитывать.

— Что люди потеряют работу.

— Это правда.

— Что я не умею продавать.

— Ты не умеешь.

— Что без тебя фабрика закроется.

Илья не ответил.

Надежда кивнула сама себе.

— И поэтому подпишу.

Муж посмотрел на неё внимательно. — Я рассчитывал, что ты примешь разумное решение.

— Для тебя.

— Для всех.

— Для Миланы.

— Для сотрудников.

— Для Артёма.

— Не трогай его.

— Для кого-нибудь в этой комнате решение неудобное, кроме меня?

Он снова сел. Несколько секунд молчал, потом заговорил неожиданно мягко: — Надя, ты получаешь то, что действительно любишь. Мастерскую. Свою работу. Людей. Тебе не придётся становиться другой. Ты сможешь по-прежнему приезжать туда утром, стоять возле печей, рисовать, заниматься всем этим. Никто у тебя этого не отнимает.

Надежда почувствовала, как внутри поднимается отвращение.

Он говорил так, словно оставлял ребёнку любимую игрушку после раздела имущества.

— А ты будешь продавать мои вещи.

— Да.

— Милана будет называться дизайнером.

— Если коллекция создаётся совместно...

— Моими руками.

— Надя.

— Её лицо. Мои руки.

Илья устало покачал головой. — Вот опять. Ты почему-то считаешь, что человек, который физически сделал вещь, автоматически является единственным автором всего процесса. Милана создаёт концепции, работает с интерьером, понимает аудиторию.

— Сегодня утром она сказала, что сама выбирала плитку, которую ты списал у нас как неудачную.

— Потому что она выбрала её для дома.

— После того как я её сделала.

— И что?

Надежда посмотрела на него несколько секунд.

Потом совершенно спокойно сняла кольцо.

Илья заметил движение не сразу. Они оба привыкли к этому тонкому золотому ободку настолько, что он давно перестал быть украшением. Кольцо сидело плотно, и Надежде пришлось немного покрутить его, прежде чем оно прошло через сустав. На коже осталась светлая полоска.

Она положила кольцо возле документов.

Звук был тихим.

Золото едва слышно ударилось о стол.

Илья посмотрел вниз.

— Не надо театра, — сказал он, но голос впервые за весь вечер стал неуверенным.

— Это не театр.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Да.

— Утром всё будет восприниматься иначе.

— Нет.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Надежда взяла телефон.

Илья нахмурился, когда она включила камеру.

— Что ты делаешь?

— Фотографирую.

Она сняла первую страницу.

Потом вторую.

Дату.

Страницу с обеспечением.

Подпись Миланы.

Несколько листов с цифрами.

Илья резко протянул руку и накрыл одну папку ладонью.

— Зачем?

Надежда подняла на него глаза.

— Потому что теперь я буду читать всё сама.

— Это черновики.

— Тем лучше.

— Надя, я могу прислать тебе копии.

— Не надо. Я сама.

Он убрал руку не сразу.

— Ты кому-то собираешься это показывать?

— Пока не знаю.

— Вот только не начинай втягивать посторонних. Мы можем решить всё между собой.

Надежда сделала последнюю фотографию.

— Три года ты решал всё между собой, Миланой и мной, только я почему-то не присутствовала.

— Я говорю о разводе.

— Я тоже.

Она убрала телефон в карман и поднялась.

— Куда ты?

— На фабрику.

— Сейчас?

— Да.

Илья посмотрел на часы. — Уже почти девять.

— Я вижу.

— Спать там будешь?

— Да.

— Не глупи.

Надежда направилась в гостевую комнату. Он пошёл следом.

Она взяла небольшую сумку и начала складывать бельё, свитер, джинсы, зубную щётку. Всё необходимое на одну ночь. Не больше. Она пока не собиралась совершать красивый театральный уход с чемоданами, не зная даже, где будет жить через неделю.

Илья остановился в дверях.

— Ты не подпишешь сегодня? — спросил он.

Надежда замерла.

Даже сейчас.

Не «ты правда уходишь?»

Не «останемся ли мы когда-нибудь людьми друг для друга?»

Подпись.

Она повернулась к нему.

— Нет.

— Тогда хотя бы заberi бумаги и прочитай нормально.

— Я прочитаю фотографии.

— Надя, сроки идут.

— Какие?

— По финансированию.

— Когда?

Илья отвёл взгляд.

— На следующей неделе.

— Ты уже договорился.

— Предварительно.

— До развода.

— Мы должны были готовиться.

— Мы?

Он раздражённо выдохнул. — Опять.

Надежда застегнула сумку.

— Мне нужно пройти.

Илья не двигался.

— Ты действительно готова из-за своей обиды поставить под риск всех людей на фабрике?

Она почувствовала, как боль снова пробует превратиться в вину.

Знакомую.

Удобную.

Ту самую, которой Илья много лет умел управлять лучше любого рычага.

Если она не остаётся ночью — подведёт людей.

Если не берёт срочный заказ — люди останутся без зарплаты.

Если требует деньги на ремонт — придётся сократить кого-то.

Теперь, если не подписывает здание отца под его новую жизнь, сама виновата в том, что производство может закрыться.

Надежда подняла сумку.

— Если фабрика держится только на том, что я должна отдать тебе здание и работать на твою любовницу, — сказала она, — значит, я хочу хотя бы один раз увидеть, действительно ли она так устроена.

Илья смотрел тяжело.

— И когда всё рухнет?

— Тогда, наверное, ты скажешь, что предупреждал.

— Я не хочу этого.

— Знаю.

— Я хочу сохранить дело.

Надежда прошла мимо него.

Уже в прихожей она остановилась возле зеркала. На лице не было ничего от женщины, которую она привыкла видеть перед выходом из дома. Волосы растрепались после производства, под глазами лежали тёмные тени, на рукаве свитера всё ещё оставалась полоса серой глины. Сорок семь лет. Двадцать пять из них рядом с одним мужчиной.

Илья подошёл сзади.

В зеркале они оказались рядом.

Когда-то Надежда любила смотреть на их отражение перед выходом в гости. Муж был выше её почти на голову, всегда уверенный, аккуратно одетый, и даже с возрастом сохранил ту внешность, которая легко нравилась людям. Они казались хорошей парой.

Теперь между ними было меньше метра и целый чужой дом.

— Не принимай окончательных решений сегодня, — произнёс Илья тихо. — Просто переночуй, успокойся. Завтра поговорим снова.

Надежда надела куртку.

— Я уже приняла одно.

— Какое?

Она посмотрела на его отражение.

— Ничего не подпишу.

Илья прикрыл глаза.

— Ты пожалеешь.

Он произнёс это не как угрозу.

Почти как сожаление о её глупости.

Надежда открыла дверь и вышла.

До мануфактуры она добралась после десяти. Ворота были закрыты, во дворе горел один фонарь, возле склада стояла машина Михаила, который, видимо, оставил её до утра и уехал с кем-то из рабочих. Надежда открыла боковую калитку своим ключом и сразу почувствовала привычный запах — мокрый кирпич, пыль, глина, слабое тепло остывающей печи. После квартиры он показался почти домашним.

Внутри было тихо.

Не совсем. Производство никогда не бывает полностью тихим. Где-то щёлкало остывающее железо, вентилятор ещё тянул воздух из дальней комнаты, трубы иногда отвечали коротким металлическим стуком. Надежда включила свет только в коридоре и поднялась по узкой лестнице на второй этаж.

Маленький кабинет когда-то принадлежал отцу.

После его смерти Надежда долго не могла здесь ничего менять. Старый стол так и остался возле окна, книжный шкаф стоял на прежнем месте, а в верхнем ящике до сих пор лежали карандаши, которыми отец размечал первые эскизы, хотя почти все уже давно высохли и годились только для памяти. Позже кабинет использовали для ночёвок, если нуж-

но было следить за долгим обжигом. В углу стояла узкая кушетка с сложенным пледом.

Надежда положила сумку на стул и села за стол.

Никаких слёз не было.

Она даже удивилась.

Возможно, организм просто устал.

Надежда открыла телефон и стала просматривать фотографии документов. Дата. Ещё дата. Подпись Ильи. Подпись Миланы. Здание. Обязательства. Несколько лет производства.

Она увеличивала строки пальцами и читала снова.

Потом открыла ящик стола в поисках блокнота.

Под старыми папками лежала фотография.

Надежда не сразу вспомнила, когда её видела в последний раз. Снимок был большой, матовый, с немного выцветшими краями. На нём трое людей стояли перед открытыми воротами мастерской. Отец — ещё крепкий, седины только немного на висках, в старой рабочей куртке. Рядом Надежда, лет двадцати пяти, худая, с длинными волосами, которые тогда почти всегда завязывала платком. И Илья.

Молодой.

Смеющийся.

В грязной футболке.

Они только что разгрузили первую большую печь. Надежда вспомнила этот день целиком. Печь не проходила в ворота, отец орал на водителя, водитель орал на отца, Илья на-

шёл где-то лом и предложил снять часть рамы. Потом они возились три часа, пока наконец не затолкали эту громадину внутрь. Надежда сидела прямо на земле, потому что ноги больше не держали, а Илья принёс бутылку воды и вылил половину ей на голову.

Отец тогда заставил их встать возле печи и попросил водителя сфотографировать.

— Чтобы потом показать детям, с чего начиналось семейное богатство, — сказал он.

Детей не получилось.

Богатство, видимо, получилось у кого-то другого.

Надежда провела пальцем по молодому лицу мужа на фотографии.

Тот человек существовал.

Она знала это точно.

Он спал на раскладушке.

Таскал мешки.

Ругался с электриками.

Держал Надежду за руку, когда умирал отец.

И именно поэтому невозможно было просто решить, будут последние двадцать пять лет оказались одной сплошной ложью.

Нет.

Ложь пришла позже.

И от этого было хуже.

Потому что человек на фотографии когда-то строил всё

это вместе с ней, а потом в какой-то момент решил, что раз помог построить, значит, имеет право забрать себе всё лучшее.

Надежда положила фотографию перед собой.

За стеной тихо щёлкнула остывающая печь.

Телефон завибрировал.

Илья.

Она не ответила.

Через минуту пришло сообщение.

«Я надеюсь, утром ты будешь готова говорить разумно. Не забывай, что речь идёт не только о нас».

Надежда перечитала его, выключила экран и положила телефон рядом с фотографией.

Потом встала, подошла к окну и посмотрела на тёмный двор мастерской.

Старая крыша.

Склад.

Труба.

Корпус, который отец когда-то купил почти развалившимся.

Всё выглядело усталым.

Почти нищим.

И впервые за много лет Надежде пришёл в голову вопрос, которого она прежде почему-то никогда не задавала.

Если их общее дело действительно было таким безнадежно убыточным, как все последние годы утверждал Илья, то

на какие деньги он построил себе другую жизнь?

Глава 3. Восемнадцать человек

Надежда проснулась от металлического грохота где-то под полом и первые несколько секунд не могла понять, где находится. Потолок над кушеткой был низким, серым, с тонкой трещиной возле лампы, в комнате пахло старой бумагой, пылью и чуть сладковатым теплом остывающей печи, которое поднималось с первого этажа по вентиляционным каналам. Потом память вернулась сразу, без всякого милосердия: дом Миланы, Артём, документы на столе, кольцо возле папок, лицо Ильи в зеркале и его спокойное предупреждение о том, что без подписи она поставит под угрозу восемнадцать человек. Надежда лежала неподвижно, глядя в потолок, и чувствовала, что не спала почти вовсе. Несколько раз проваливалась в короткую тяжёлую дремоту, просыпалась от собственных мыслей, проверяла телефон, снова смотрела фотографии документов, потом зачем-то считала, сколько денег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.